

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖОН ВАРЛИ

ГОЛУБОЕ ШАМПАНСКОЕ

Фантастика: классика и современность

Джон Варли

Голубое шампанское

«Издательство АСТ»

1974, 1978, 1981, 1985, 2003

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Варли Д. Г.

Голубое шампанское / Д. Г. Варли — «Издательство АСТ», 1974, 1978, 1981, 1985, 2003 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-147693-9

Джон Варли – современный американский писатель-фантаст. Бросив университет, он долго бродяжничал вместе с хиппи, объездил множество городов, подрабатывал кем только мог, иногда даже попрошайничал. Стать писателем его сподвигла статья Хайнлайна, и после дебюта в 1974 году Варли приобрел широкую известность, впечатлив как читателей, так и критиков. Особенно удается ему малая форма – рассказы и повести, удостоенные множества наград – «Хьюго», «Небьюла», «Локус» – и переведенные на 16 языков. Героиня самого известного цикла Джона Варли, Анна-Луиза Бах, особа решительная и амбициозная, ни в грош не ставит начальство, никого не боится и готова рискнуть репутацией ради того, что считает правильным и справедливым. Офицер Анна-Луиза Бах борется с преступностью, спасает невинных и не брезгует никакими средствами для достижения цели. Женщина Анна-Луиза Бах воспринимает встречи и разлуки с философским спокойствием и никогда не поддается отчаянию. Нет никаких сомнений в том, что такие кадры – что на Луне, что в окололунном пространстве – на вес золота. Кроме вышеупомянутого цикла в сборник вошли отдельные рассказы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147693-9

© Варли Д. Г., 1974, 1978, 1981, 1985,
2003

© Издательство АСТ, 1974, 1978, 1981,
1985, 2003

Содержание

Голубое шампанское	7
Танго Чарли и фокстрот Ромео	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джон Варли

Голубое шампанское

John Varley

Collection 1: (Anna-Louise Bach):

Blue Champagne, Tango Charlie and Foxtrot Romeo, The Barbie Murders,
The Bellman, Bagatelle;

The M&M Seen as a Low-Yield Thermonuclear Device; In Fading Suns and Dying Moons;
The Pusher

© John Varley, 1974, 1978, 1981, 1985, 2003

© Перевод. А. Новиков, 2022

© Перевод. Н. Нестерова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Голубое шампанское

Меган Гэллоуэй прибыла в Пузырь со съемочной группой из трех человек. Со своим бриффером – дыхательным аппаратом – и протезом она стала наименее обнаженной голой женщиной из всех, что довелось видеть любому из спасателей.

– Готов поспорить, что на ней больше аппаратуры, чем носит любой из ее команды, – сказал Глен.

– Угу, но, знаешь, это почти незаметно.

Кью-Эм Купер напряг память, глядя, как гостя принимает традиционную емкость с шампанским.

– Разве это своего рода не рекорд? Три человека в команде?

– Президент Бразилии привезла с собой двадцать девять человек, – заметила Анна-Луиза. – У короля Британии было двадцать пять.

– Да, но только одна сетевая подводная камера.

– Значит, это и есть Золотая Цыганка, – сказала Леа.

– Больше смахивает на Бронзовый Транзистор, – фыркнула Анна-Луиза.

Все они уже слышали эту шутку, но все равно рассмеялись. Спасатели не очень-то уважали транс-сестер¹. И все же Купер был вынужден признать, что в профессии, которая стремится к стандартизации эмоций, только Гэллоуэй была уникальна сама по себе. Остальные были взаимозаменяемы, как ведущие программы новостей.

Им в уши стал нашептывать голос – сообщение передавалось по каналу, зарезервированному для экстренных объявлений и предупреждений.

«В Пузырь прибыла Меган Гэллоуэй, представляющая «Фили корпорэйшн», полностью подчиненное дочернее предприятие «GWA конглом». «Филикорп»: доставляем вам лучшее в записях ощущений и эротиксе. «Блю шампейн энтерпрайзес» выражает уверенность, что вы не будете мешать процессу записи и сожалеет о любых причиненных неудобствах».

– Реклама... пока что, – с отвращением буркнул Глен.

Для тех, кто любил Пузырь – как его любили все спасатели, – реклама была чем-то вроде использования стен Тадж-Махала для финала чемпионата интерконгломератов по граффити.

– Теперь жди гонки яхт, – сказал Купер. – Могли бы хоть предупредить нас о том, что она прибывает. А что насчет ее протеза? Нам надо что-нибудь о нем знать, если она вляпается в неприятность?

– Возможно, она знает, что делает, – заметила Леа, заработав неприязненные взгляды четырех коллег. Догматом их веры было то, что во время первого визита в Пузырь *никто* не знает, что делает.

– Думаешь, она возьмет протез в воду?

– Ну, раз она не может без него двигаться, то я типа сомневаюсь, что она его снимет, – сказал Купер. – Стю, свяжись с оперативным отделом и спроси, почему нас не уведомили. Выясни насчет особых мер предосторожности. Все остальные – за работу. Анна-Луиза, будешь здесь за главного.

– А чем *ты* будешь заниматься, Кью-Эм? – осведомилась Анна-Луиза, приподняв бровь.

– Взгляну на нее вблизи.

Он оттолкнулся и полетел к изогнутой внутренней поверхности Пузыря.

¹ На английском «бронзовый транзистор» (*brass transistor*) и «транс-сестры» (*trans-sisters*) звучат очень похоже. – *Здесь и далее примеч. пер.*

* * *

Из всех увиденных Кью-Эм Купером сооружений Пузырь был единственным, которое захватило его воображение, сохранило его на годы и не оказалось разочарованием, когда он наконец-то его увидел. То была любовь с первого взгляда.

Пузырь обращался по орбите вокруг Луны, где понятие перспективы теряло смысл. В таких условиях глаз воспринимал Землю или Луну как булыжники не крупнее мяча для гольфа, а кусочек льда в нескольких миллиметрах от иллюминатора корабля мог показаться далеким кувыркающимся астероидом. Когда Купер увидел Пузырь впервые, иллюзия была идеальной: кто-то оставил бокал шампанского лететь в нескольких метрах от корабля.

Форма суженного конуса была продиктована математикой генераторов силового поля, которое удерживало Пузырь. Конус был сделан из многосложной сетки тонких проводов. Любая иная конфигурация была невозможна, и лишь по чистой случайности генератор напоминал чашу и ножку винного бокала.

Сам Пузырь должен быть невесомым, но персоналу и гостям требовалась секция, где гравитация создавалась за счет вращения. Для этой цели диск подходит лучше, чем колесо, поскольку обеспечивает участки с меняющейся гравитацией, от одного «g» на краю до невесомости в центре. Наиболее логичным местом для диска было основание «ножки» генератора, которое также служило основанием бокала. Поговаривали, что архитектор Пузыря сошел с ума, проектируя его, а поскольку он любил мартини, то включил в чертежи и гигантскую зубочистку, протыкающую столь же гигантскую маслину.

Но это была всего лишь станция. Достаточно красивая сама по себе, но не идущая ни в какое сравнение с Пузырем.

Он висел в мелкой чаше генераторов, никогда не касаясь их. Это были двести миллионов литров воды, зажатые между двумя концентрическими сферическими силовыми полями, одно из которых было диаметром сто метров, а второе – сто сорок. Поля удерживали водяную оболочку массой почти миллион тонн², в центре которой находился воздушный пузырь объемом полмиллиона кубометров.

Все эти значения Купер знал наизусть. БШЭ позаботились о том, чтобы никто не попадал в Пузырь, не услышав их хотя бы раз. Но числа не могли поведать и малой доли того, каков Пузырь на самом деле. Чтобы понять это, надо было проехать на лифте внутри стеклянной «соломинки», которая заканчивалась внутри воздушного пузыря, выйти из кабины, ухватиться за одну из стоек турникета возле спасательной станции и крепко за нее держаться, пока эмоции не утихнут в достаточной степени, чтобы *поверить* в эту чертову конструкцию.

* * *

Спасатели делили визитеров на шесть классов. Конечно, неофициально – для БШЭ почетным гостем был каждый. Оценка давалась на основе поведения и личных особенностей гостя, но в основном по умению плавать.

Ракообразные вцеплялись в стойки. Большинство даже никогда не мочило ног. Они отправлялись в Пузырь показать себя, а не плавать. Планктон полагал, что может плавать, но это было не более чем их несбыточная мечта. Черепахи и лягушки действительно могли плавать, но весьма комично.

² У автора нелады с арифметикой. Одна тонна воды – это 1000 литров. Миллион литров – это 1000 тонн. Двести миллионов литров – 200 000 тонн, но никак не миллион тонн, как у автора.

Акулы были превосходными пловцами. Если бы они добавили мозги к своим прочим способностям, спасатели бы их любили. Лучшими были дельфины. Купер был пловцом дельфиньего класса, поэтому и работал старшим спасателем в третьей смене.

К его удивлению, Меган Гэллоуэй оказалась где-то между лягушкой и акулой. Большая часть ее неуклюжих движений была результатом непривычности к условиям невесомости. Она явно провела немало времени в плоской воде.

Купер оттолкнулся и пробил внешнюю поверхность Пузыря с достаточной скоростью, чтобы подняться к третьему силовому полю, которое удерживало воздух внутри, а вредную радиацию снаружи. При этом он кувыркнулся в воздухе, чтобы посмотреть, как Меган справляется с выходом на поверхность. Он разглядел золотые отражения от металлических лент ее протеза, пока она была лишь аморфным силуэтом под водой. Прожектора видеокамеры подсвечивали воду вокруг нее в яркий аквамарин. Она обогнала свою съемочную команду.

Купер испытал мгновенную и очень сильную реакцию: какая у нее ужасная жизнь. Работа в Пузыре была для него чем-то особенным. Как и остальные спасатели, он сетовал на клиентов, жаловался, когда приходилось буксировать какого-нибудь проклятого ракообразного, который не мог набрать достаточно скорости, чтобы вернуться к поручням, или когда приходилось вылавливать очередной экскремент, которые вываливались в удивительных количествах, когда кто-то терял ориентацию и пугался. Но главным было то, что ему работа никогда не приедалась. На Пузырь всегда можно было взглянуть по-новому, найти в нем очередное волшебство. А смог бы он испытывать подобные чувства, если бы жил в центре путешествующей телестудии, за которой наблюдал весь мир?

Он начал дрейфовать обратно к воде, когда из нее вырвалась Меган. Она пробила поверхность наподобие золотой русалки, взлетая и оставляя за собой шлейф капель, которые превратились в миллион переливающихся кристаллов, следуя за ней в воздухе. Меган сделала сальто внутри облака из водяных шариков – Афродита из плоти и металла, возникшая из пены.

Мундштук выпал из ее губ, повиснув на воздушном шланге, и он услышал ее смех. Купер не думал, что она его заметила. Он был совершенно уверен: она полагала, что наконец-то осталась одна, пусть даже на несколько секунд. Она смеялась восторженно, как ребенок, и до тех пор, пока из воды с ворчанием не выбралась ее съемочная команда.

Они заставили ее вернуться и повторить.

* * *

– Она того не стоит, Купер.

– Кто? А, ты про Золотую Цыганку.

– Ты хочешь, чтобы твои постельные экзерсисы изучали девяносто миллионов жлобов?

Купер повернулся, чтобы взглянуть на Анну-Луизу. Та сидела рядом на узкой скамеечке раздевалки, завязывая шнурки. Она посмотрела на него через плечо и улыбнулась. Он знал, что у него репутация бабоукладчика, специализирующегося на знаменитостях. Когда он только пришел работать в Пузыре, то счел одним из дополнительных бонусов возможность знакомиться, тесно общаться и укладывать в постель знаменитых женщин, что он неоднократно и проделывал. Но это уже давно перестало иметь для него прежнее значение.

– Гэллоуэй не создает себе воздыхателей.

– Пока. Как не создавала Лайша Трамбулл еще год назад. Или тот парень, что работает на Эй-Би-Эс... Чин. Рэндолл Чин.

– И как не создавала Саломея Хассан, – добавил кто-то из дальнего угла раздевалки. Купер осмотрелся и увидел, что их слушает вся смена.

– Я-то думал, что вы выше этого, – сказал он. – А оказалось, что вы кучка фанатов ощущалок.

– Хочешь или не хочешь, а имена все равно услышишь, – возразила Стю.

Анна-Луиза надела через голову рубашку и встала.

– Нет смысла отрицать, что я смотрела эти записи, – сказала она. – Транс-сестрам надо как-то зарабатывать на жизнь. Она их сделает. Эротические сны уже на подходе.

– Ага, на подходе, – поддакнула Стю и добавила непристойный жест.

– Почему бы вам, идиотам, не заткнуться и не свалить отсюда? – предложил Купер.

Они постепенно так и сделали, и крохотная раздевалка на уровне одной десятой «g» вскоре опустела, не считая Купера и Анны-Луизы. Она стояла возле зеркала, втирая лосьон в кожу головы, чтобы та блестела.

– Я бы хотела перейти во вторую смену, – сказала она.

– Да ты чокнутый лунатик, ты это знаешь? – встревоженно выпалил он в ответ.

Она повернулась и пронзила его взглядом.

– Это преувеличение и расизм, – заявила она. – Не будь я такой любезной, я бы возмутилась.

– Но это правда.

– Это вторая причина, почему я не стану возмущаться.

Он встал и обнял ее сзади, теребя губами ухо.

– Эй, да ты весь мокрый, – рассмеялась она, но не попыталась его остановить, даже когда его руки приподняли рубашку и скользнули вниз под ремешок штанов. Она повернулась, и он поцеловал ее.

Купер никогда по-настоящему не понимал Анну-Луизу, хотя и жил с ней уже полгода. Она была почти такой же крупной, как и он, а он был далеко не малыш. Родилась она в Новом Дрездене на Луне. Хотя ее родным языком был немецкий, она свободно и без акцента говорила на английском. Ее лицо пробуждало такие прилагательные, как сильное, здоровое, сияющее и свежее, но никогда слова наподобие «гламурный». Короче говоря, физически она была такой же, как и остальные спасатели-женщины. Она даже брила голову, но в то время как остальные проделывали это, пытаясь вернуть былую славу и поддерживать олимпийскую внешность, она никогда не участвовала в соревнованиях по плаванию. Одно лишь это делало ее уникальной в группе и, вероятно, настолько вдохновляющей. Остальные женщины в отряде спасателей были незамысловатыми качками, всем прочим занятиям предпочитавшие два: плавание и секс, в таком вот порядке.

Против этого Купер не возражал. Это было весьма точное описание его самого. Но он медленно подбирался к тридцати годам, и эта дата с каждым днем приближалась. Такой возраст никогда не был хорошим для спортсмена. И он с удивлением обнаружил, что его больно задела ее слова о том, что она хочет поменять смену.

– Это как-то связано с Юрием Фельдманом?

– А он в той смене?

– Мы и дальше будем спать вместе?

Она отпрянула.

– Мы так и будем разговаривать? Ты для этого меня раздеваешь?

– Просто хочу знать.

– Если не захочешь переехать, все останется по-прежнему. Но не думаю, что это чертовски много значит. Я ошибалась?

– Извини.

– Может быть, проще спать одной, вот и все. – Она повернулась и похлопала его по щеке. – Черт, Кью-Эм. Это всего лишь секс. Ты в этом очень хорош, и пока ты не теряешь интерес, у нас все будет хорошо. Договорились? – Ее ладонь все еще касалась его щеки. Она пристально взгляделась ему в глаза, и ее лицо изменилось. – Это *просто* секс, да? Я имела в виду...

– Конечно, это...

– ...а если *не* просто... Но ты никогда не говорил такого, что могло бы...

– Господи, нет. Я не хочу оказаться привязан.

– Я тоже.

Казалось, она хотела что-то добавить, но лишь опять коснулась щеки Купера и оставила его в покое.

* * *

Купер был так погружен в свои мысли, что прошел мимо стола, за которым сидела Меган Гэллоуэй со своей командой.

– Купер! Вы ведь Купер?

Когда Купер повернулся, у него уже была наготове «улыбка для камеры». Хотя к этому времени его уже редко узнавали, рефлексy все еще работали. Но улыбку быстро сменило более искреннее восхищение. Он был удивлен и польщен тем, что она знает, кто он такой.

Гэллоуэй поднесла ладонь ко лбу, глядя на Купера с комичной напряженностью. Потом щелкнула пальцами и снова шлепнула себя по лбу.

– Я все пытаюсь вспомнить это имя с той минуты, когда увидела вас в воде, – сказала она. – Только не говорите... я вспомню его... это было прозвище...

Она беспомощно смолкла, затем поставила локти на стол и уперлась подбородком в руки, раздраженно глядя на Купера.

– Не могу вспомнить.

– Это...

– *Не* говорите.

Он хотел было сказать, что не раскрывал его, но вместо этого пожал плечами и промолчал.

– Я вспомню, если вы дадите мне время.

– Она сможет, – сказала другая женщина, которая потом указала на свободный стул и протянула ему руку: – Я Консуэла Лопес. Позвольте угостить вас выпивкой.

– Я... Купер.

Консуэла подалась вперед и прошептала:

– Если она не вспомнит ваше чертово прозвище за десять минут, скажите ей, ладно? Иначе от нее не будет никакого толку, пока она не вспомнит. А вы спасатель.

Он кивнул, и ему мгновенно принесли напиток. Купер попытался скрыть изумление. Произвести впечатление на официантов в кафе на променаде было *невозможно*. Тем не менее участникам вечеринки Гэллоуэй даже не было нужды заказывать.

– Восхитительная профессия. Вы должны о ней рассказать. Я продюсер, учусь быть сутенером. – Она покачнулась, и Купер понял, что она пьяна. В ее речи это никак не проявилось. – Тот адский тип с бородой – это Маркхэм Монтгомери, режиссер и талантливый проститут. – Монтгомери взглянул на Купера и изобразил нечто вроде кивка. – А эта личность неопределенного пола зовется Коко-89 (прости-господи), звукооператор, вселенская загадка и приверженец религиозно-сексуального культа настолько таинственного, что даже сам Коко точно не знает, в чем его смысл.

Купер видел Коко в воде. У него или нее имелись мужские гениталии и женские груди, но гермафродиты в Пузыре редкостью не были.

– Ваш' здоровье, – серьезно сказала Коко, поднимая стакан. – Ващце-то ваш танц на глуб'не достоин поч'сти.

Все засмеялись, кроме Купера. Он не понял шутки. Лопес его волновала – он слышал забавные речи от стольких богатых или многоопытных людей, что не смог бы сосчитать, – но Коко несло откровенную чушь.

Лопес приподняла над краем стола серебряную трубочку, нажала на спуск, и в сторону Коко вылетела струйка переливающегося серебристого порошка. Она разбилась на тысячи мерцающих точек. Гермафродит вдохнул эту пыль, глуповато улыбаясь.

– Шиза-пыль, – пояснила Лопес и направила трубочку на Купера. – Хотите нюхнуть?

Не дожидаясь ответа, она выстрелила вторую струйку. Порошок замерцал вокруг головы Купера. Он пахнул как один из популярных афродизиаков.

– Что это?

– Наркотик, изменяющий сознание, – театрально произнесла она, но, увидев в глазах Купера тревогу, немного смягчилась. – Приход очень короткий. Реально я дала вам такую малую дозу, что вы почти не заметите. Минут пять, не больше.

– И что он делает?

Она взглянула на него с подозрением.

– Ну, он уже должен был подействовать. Вы левша?

– Да.

– Вот и объяснение. Большая его часть подействовала не на то полушарие. А действует он на центр речи.

Монтгомери протрезвел достаточно, чтобы повернуть голову, и взглянул на Купера практически со скукой.

– Это как вдыхать гелий, – пояснил он. – Какое-то время говоришь очень смешно.

– А я и не думал, что такое возможно, – сказал Купер, и все рассмеялись.

Он поймал себя на том, что рефлексивно ухмыляется, не поняв, что такого смешного сказал, пока мысленно не повторил сказанное и не понял, что произнес нечто вроде «Можно так воз что думал не я...».

Купер стиснул зубы и сосредоточился.

– Мне, – сказал он и немного подумал. – Не. Нравится. Это.

Компания пришла в восторг. Коко забормотало всякую чушь, а Лопес похлопала его по спине.

– Немногие догадываются настолько быстро, – сказала она. – Говори предложениями в одно слово, и все будет пучком.

– Шиза-пыль бьет по способности мозга составлять предложения, – пояснил Монтгомери почти с воодушевлением. Купер знал по своему опыту, что тот говорит об одной из тех вещей, которая способна его взбудоражить и стала его сегодняшним чудом на десять минут. О том, что проделывают сегодня все, кто слышит более-менее важной персоной, и о чем завтра же позабудут. – Сложные мысли более не...

Купер шарахнул кулаком по столу и получил ожидаемое молчание. Глаза Монтгомери остекленели, и он отвернулся, изображая скуку из чисто спортивного интереса. Купер встал.

– Вы, – произнес он и ткнул в них пальцем. – Вонючки.

– Четверть Метра! – воскликнула Гэллоуэй, показывая на Купера. – «Купер Четверть Метра!» Серебряная медаль в Рио, бронзовая в Шанхае, полторы тысячи метров вольным стилем, выступал за «Юнайтед С.А.», потом за «Райанкорп». – Она гордо улыбнулась, но потом огляделась, и улыбка погасла. – Что не так?

Купер ушел. Она догнала его, когда он почти скрылся из виду за изогнутым полом променада.

– Четверть Метра, пожалуйста, не...

– Так не меня называй! – рявкнул Купер, отдергивая руку, когда она к ней прикоснулась.

Ему было наплевать на то, что он произносит. Ее протянутая рука неловко зависла, поблескивая золотыми полосками на каждом из суставов пальцев.

– Тогда мистер Купер. – Она опустила руку, а следом и взгляд, уставившись на свои обутые ноги. – Хочу извиниться за свою коллегу. Она не имела права так поступать. И была пьяна, если вы не...

– Я за... метил.

– Сейчас у вас все пройдет, – заверила она, легко коснувшись его руки, но потом вспомнила и отдернула ее, застенчиво улыбаясь.

– Долгосрочных эффектов нет?

– Надеюсь, что нет. Препарат появился недавно. Он экспериментальный.

– И незаконный.

– Естественно, – пожала она плечами. – Разве не было забавно?

Он хотел сказать, насколько это было безответственно, но почувствовал, что ей с ним станет скучно, если он начнет рассусоливать на эту тему. И хотя ему было наплевать, скучно ли с ним Монтомгери, Куперу не хотелось быть занудой с ней. Поэтому когда она еще раз робко улыбнулась, он улыбнулся в ответ, и она одарила его открытой улыбкой, показав ту самую щелочку между передними зубами, которая озолотила дантистов всего мира, когда сто миллионов девушек захотели ее скопировать.

Ее лицо было одним из самых знаменитых в мире, но наяву она не столь походила на свою телевизионную версию. На экране не хватало большей части ее глубины, сосредоточенной на широких глазах и маленьком носе, и окаймленной короткими светлыми локонами. Тонкие морщинки вокруг рта выдавали тот факт, что ей уже не двадцать, как казалось с первого взгляда, а уже хорошо за тридцать. Кожа бледная, рост выше, чем казался на фотографиях, а руки и ноги еще тоньше.

– Они это компенсируют точками съемки, – пояснила она.

Купер понял, что она не читает его мысли, а лишь наблюдает за тем, куда он смотрит. Он выдал стереотипную реакцию, которую она видит каждый день, и возненавидел себя за это. И твердо решил не задавать вопросов о ее протезе. Она уже слышала их все, и ее наверняка тошнило от них не меньше, чем Купера от его прозвища.

– Присоединитесь к нам? – спросила она. – Обещаю, что будем вести себя прилично.

Он обернулся и посмотрел на троицу, едва видимую за столом перед тем местом, где изогнутая крыша отрезала ему вид на коридор променада – уровня с нормальной силой тяжести.

– Пожалуй, нет. Может, не стоит такое говорить, но они просто дешевки. Мне всегда хотелось или подтрунивать над такими, или бежать от них.

Она шагнула ближе.

– Мне тоже. Вы меня спасете?

– В смысле?

– Эти трое могут научить пиявок паре трюков в том, как надо присасываться. Это их работа, ну и черт с ними.

– И чем вы хотите заняться?

– Откуда мне знать? Чем угодно, чем здесь занимаются, чтобы хорошо провести время. Кусают подвешенные яблоки, катаются на карусели, трахаются, играют в карты, смотрят шоу.

– Мне интересен как минимум один из пунктов списка.

– Значит, вам тоже нравятся карты? – Она взглянула на свою команду. – Кажется, они начинают что-то подозревать.

– Тогда пошли.

Он взял ее за руку и увлек за собой. Неожиданно она побежала по коридору. Купер помедлил секунду и побежал следом.

Он не удивился, когда она споткнулась. Она быстро восстановила равновесие, но это ее замедлило, и он успел ее поддержать.

– Что случилось? Мне показалось, что я падаю...

Она оттянула рукав и посмотрела на самые навороченные в мире часы. Купер догадался, что это нечто вроде монитора для ее протеза.

– Причина вовсе не в вашем оборудовании, – пояснил он, ведя ее за собой быстрым шагом. – Просто вы бежите одновременно с вращением. Становитесь тяжелее. Нужно помнить: то, что вы ощущаете, – не сила тяжести.

– Но как мы убежим от них, если не можем бежать?

– Надо лишь немного их опережать.

Он посмотрел назад. Как он и ожидал, Лопес уже выдохлась. Коко колебалось между возвращением за подмогой и следованием за Монтгомери, который все еще шел за ними с решительной миной на лице. Купер ухмыльнулся. Наконец-то ему удалось привлечь его внимание. Он умыкает звезду.

Сразу за лестничной клеткой «С» Купер втолкнул Гэллоуэй в лифт, дверь которого уже закрывалась. И еще успел заметить разъяренную физиономию Монтгомери.

– И чем нам это поможет? – поинтересовалась Гэллоуэй. – Они лишь поднимутся за нами по лестнице. Эти лифты медленные, как городской экспресс.

– Их замедлит очень веская причина, которая называется «сила Кориолиса», – ответил Купер, доставая из кармана ключи и вставляя один из них в панель управления лифтом. – Поскольку мы на нижнем уровне, Монтгомери будет идти вверх. Лестница ведет только в этом направлении.

Он повернул ключ, и лифт начал опускаться.

Два «подвальных» уровня были частью комплекса «Отель Шампанское», находящимися ближе всего к вакууму. Кабина остановилась на уровне «Б», и Купер придержал для Гэллоуэй дверь. Они шагали среди обнаженных трубопроводов, структурных кабелей и балок, замаскированных пенопластовыми украшениями публичных уровней. Свет здесь давали только голые лампочки, расположенные через пять метров. Двухметровые балки и изогнутый пол делали это место похожим на внутренности дирижабля.

– Насколько упорно они станут нас искать?

Она пожала плечами.

– Они не будут валять дурака. Станут искать, пока не найдут меня. Это лишь вопрос времени.

– А они могут доставить мне проблемы?

– Им бы этого очень хотелось. Но я не позволю.

– Спасибо.

– Это самое малое, что я могу сделать.

– Значит, моя комната отпадает. Туда они заглянут в первую очередь.

– Нет, для начала они проверят мою комнату. Она лучше оснащена для игры в карты.

Купер мысленно дал себе пинка. Он знал, что она с ним играет, но что это за игра? Если всего только секс, то это его устраивало. Он еще никогда не занимался сексом с женщиной в протезе.

– Насчет вашего прозвища... – Она недоговорила, чтобы посмотреть, как он отреагирует, и продолжила, когда Купер промолчал. – Это ваша любимая дистанция для плавания? Я вроде припоминаю, что вас обвиняли в том, что вы никогда не напрягались больше, чем требовала ситуация.

– А если и так, то разве это глупо?

Но прозвище все же раздражало. Да, он действительно не показывал достойное время, просто наматывая круги в бассейне, и редко выигрывал состязание, опережая противников

более чем на метр. Из-за этого спортивная пресса никогда не относилась к нему тепло, даже до того, когда он не смог выиграть золото. По какой-то причине они считали его ленивым, а большинство людей полагало, что смысл его прозвища в том, что он предпочитает участвовать в соревнованиях по плаванию на дистанциях не более четверти метра.

– Нет, не глупо, – коротко ответила она и закрыла эту тему.

Молчание дало ему время на размышления, и чем дольше он думал, тем больше мрачнел. Она сказала, что может избавить его от неприятностей, но так ли это? Когда дело дойдет до конфликта, у кого окажется больше авторитета в глазах БШЭ? У Золотой Цыганки или ее продюсеров? Возможно, он рискует многим, а она совсем ничем не рискует. Он понимал, что ему следует отделаться от нее. Но если он отвергнет ее сейчас, то она может лишить его той защиты, какую в состоянии предложить.

– Похоже, ваше прозвище вам не по душе, – сказала она, помолчав. – Тогда как мне вас называть? Каково ваше настоящее имя?

– Мне оно тоже не нравится. Называйте меня Кью-Эм³.

– Это обязательно? – вздохнула она.

– Так меня все называют.

* * *

Он отвел ее в комнату Элиота, потому что Элиот был в медотсеке и потому что Монтгомери и компания не станут искать их здесь. Они выпили немного вина Элиота, поболтали и занялись сексом.

Секс оказался приятным, но без восторга. Его удивило, как мало ощущался ее протез. Хотя он покрывал все ее тело, он был теплым и почти полностью гибким, и вскоре Купер про него забыл.

Потом она поцеловала его и оделась. Пообещала вскоре увидеться с ним. Ему показалось, что она произнесла что-то о любви. Каким бы нелепым это все ни казалось, но к тому времени он уже не очень-то прислушивался к ее словам. Между ними появилась невидимая стена, и большая ее часть была выстроена ею. Он пытался проникнуть сквозь эту стену – не очень упорно, признал он, – но добрых девяносто девять процентов ее личности находились в яростно охраняемом месте, которое, в чем он не сомневался, он никогда не увидит. Купер мысленно пожал плечами. Конечно, это ее право.

После секса на него навалилась депрессия. Это оказался явно не один из радужных моментов его жизни. Лучшее, что с этим можно было сделать, – оставить в прошлом и не пытаться повторить. Он довольно быстро осознал, что у него это уже получается удивительно хорошо. Лежа голым в постели и глядя в потолок, он не мог припомнить ни единого ее слова.

* * *

По разным причинам он вернулся в свою комнату поздно. Свет он не включил, потому что не хотел разбудить Анну-Луизу. И шагал с особой осторожностью, потому что из-за пары пропущенных стаканчиков у него возникли легкие проблемы с равновесием.

Но все же она, как и всегда, проснулась. И прижалась к нему под одеялом – теплая, влажная, пахнущая мускусом, дыхание чуть кисловатое, когда она поцеловала его. Он был наполовину пьян, а она наполовину проснувшаяся, но когда ее руки прошли по его телу, а бедра стали настойчиво подталкивать сзади, Купер, к своему удивлению, обнаружил, что готов и она

³ Q. M. – это аббревиатура «*quarter meter*», то есть «четверть метра».

тоже. Она направляла его, потом повернулась на бок и дала ему пристроиться сзади. Затем подтянула колени и обняла их. Голову она пристроила на его руке. Купер поцеловал ее гладкий затылок и куснул за ухо, потом опустил голову на подушку и медленно двигался несколько спокойных минут. Наконец она выпрямилась, стискивая его, и сжала кулаки, вонзив большие пальцы в его бедра.

– Как она тебе понравилась? – пробормотала она.

– Кто?

– Сам знаешь.

Он был совершенно уверен, что сумеет что-нибудь наврать, потому что Анна-Луиза не могла быть *настолько* уверена, но нахмурился, потому что прежде у него никогда не возникало желания ей солгать.

И поэтому он спросил:

– Ты настолько хорошо меня знаешь?

Она опять потянулась, на этот раз более чувственно и более намеренно, чем просто избавляясь от сонливости.

– Да откуда? Нос не дал мне шанса узнать. Когда ты пришел, я по дыханию поняла, что ты выпил, но почувствовала ее запах на своих пальцах, когда коснулась тебя.

– Да брось...

– Не сердись. – Она протянула руку назад и похлопала его по ягодицам, одновременно прижимаясь к нему спиной. – Ладно, я угадала, кто она. Особой интуиции для этого не потребовалось.

– Это было паршиво, – признал он.

– Очень жаль.

Он знал, что ей действительно жаль, но не понял, радоваться ли ему, или печалиться. Тупость какая-то – не знать таких простейших вещей, как это.

– Это чертовски стыдно, – продолжила она. – Секс никогда не должен быть паршивым.

– Согласен.

– Если не получаешь от него удовольствия, то незачем этим заниматься.

– Ты права на сто процентов.

Купер смог разглядеть в темноте лишь ее зубы, и ему пришлось вообразить ее улыбку, но это удалось ему без труда.

– У тебя что-нибудь осталось для меня?

– Очень может быть.

– Тогда что скажешь, если мы пропустим следующую часть и *проснемся*?

Она переключилась настолько быстро, что поначалу он с трудом за ней поспевал. Она улеглась на него сверху, а она была одной из самых сильных женщин, каких он знал. Ей нравилось бороться. К счастью, в этих схватках не было проигравших. В них было все, чего не имелось в его опыте с Гэллоуэй. И не удивительно – так было *всегда*. Секс с Анной-Луизой действительно был очень хорош. Если на то пошло, то и все остальное тоже.

Он лежал в темноте еще долго после того, как она заснула. Тела их прижимались друг к другу, как и вначале, и он размышлял долго, напряженно и со всей возможной ясностью. Почему бы и нет? Почему бы не Анна-Луиза? Она может любить, если он даст ей шанс. А возможно, сможет и он.

Он вздохнул и крепче обнял ее. Она что-то промурлыкала, как большая и довольная кошка, и захрапела.

Он поговорит с ней утром, скажет, о чем думал. И они начнут неуверенный процесс узнавания друг друга.

* * *

Но проснулся он с похмельем, Анна-Луиза уже успела принять душ, одеться и уйти, а в дверь кто-то стучал.

Он кое-как слез с кровати, и разумеется, это было она, Гэллоуэй. Купер испытал дурной момент утраты ориентации, когда пожелал, чтобы это знаменитое лицо вернулось на телеэкран, где ему самое место. Но каким-то образом она очутилась в его комнате, хотя он не смог припомнить, что делал шаг в сторону, пропуская ее. Она все улыбалась и тараторила настолько быстро, что он едва ее понимал. Это был пустой треп о том, как хорошо увидеть его снова и какая уютная у него комната, а глаза ее при этом обшаривали его и комнату от головы до пят и от угла до угла, пока у него не появилась уверенность, что теперь она знает Анну-Луизу лучше его – просто по тем редким следам, которые та оставила в его аскетичной комнатухе.

Разговор обещал стать трудным. Купер закрыл дверь и добрел до кровати, на которую благодарно уселся и уткнулся лицом в ладони.

Когда она наконец-то замолчала, он поднял взгляд. Она сидела на краешке единственного в комнате стула, держа руки на коленях и сплетя пальцы. Смотрелась она настолько бодрой и жизнерадостной, что его едва не стошнило.

– Я ушла с работы, – сообщила она.

Смысл ее слов дошел до Купера не сразу. И лишь через несколько секунд он сумел отреагировать.

– Что?

– Я уволилась. Просто послала всех нахрен и ушла. Все кончено, капут, смыто в унитаз. И пошло оно в задницу.

Ее улыбка показалась ему натянутой.

– Вот как... – Он подумал о том, что она сказала, прислушиваясь к звукам капель из крана в ванной. – И... чем ты будешь заниматься?

– О, не проблема, не проблема.

Она теперь слегка подергивалась. Одно колено подскакивало в ритме четыре четверти, а второе слегка вальсировало. Возможно, это должно было что-то ему поведать. Ее голова резко дернулась влево, потом с легким механическим звуком медленно выпрямилась.

– Меня отовсюду завалили предложениями, – продолжила она. – «Си-Би-Эс» принесет в жертву на каменном алтаре семь девственных вице-президентов, лишь бы подписать со мной контракт. NAAR и «Telecommunipon» прямо сейчас ведут генеральное сражение через Шестую авеню, с танками и нервно-паралитическим газом. Блин, я уже зарабатываю половину ВВП Коста-Рики, и все они хотят эту сумму утроить.

– Похоже, что у тебя все в порядке, – осмелился вставить Купер.

Он был встревожен. Движение головы теперь повторялось, а пятки барабанили по полу. Он наконец-то догадался, что жужжание доносится из ее протеза.

– Да пошли и они тоже, – легко бросила она. – Независимое производство – вот это для меня. Делать собственную продукцию. Я тебе покажу кое-какие записи. Никаких больше НОЗ, никаких «Трендекс». Только я и один или двое друзей.

– НОЗ?

– Наименьший общий знаменатель. Мои зрители. Мозги восьмилеток в телах возрастом тридцать один и тридцать шесть сотых года. Демография. Жертвы рака мозга.

– Их такими сделало телевидение, – заметил он.

– Конечно. И им это нравится. Никто и никогда не смог их недооценить, и никто и никогда не смог дать им достаточно телебредятины. А я больше и пытаться не стану.

Она встала и с разворота вышибла дверь. Та рухнула в коридор, покачиваясь на глубокой вмятине, которую ее кулак проделал в металле.

Все это было само по себе дико, но когда грохот от упавшей двери стих, Гэллоуэй так и осталась стоять в полуразвороте, вытянув руку с кулаком. Жужжание стало громче, превратившись в завывание, сопровождающееся чем-то вроде звука сирены. Она обернулась.

– О, проклятье, – проговорила она голосом, который становился все выше с каждым словом. – Кажется, меня заклинило.

И она разрыдалась.

* * *

Куперу были знакомы причуды супербогатых и суперзнаменитых. Он думал, что понимает смысл популярности. Вскоре он узнал, что не знает о ней ни черта.

Успокоил он ее за несколько минут. Через какое-то время она заметила небольшую толпу, собравшуюся вокруг того места, где находилась дверь. Люди перешептывались и показывали на женщину, сидящую на кровати Купера в странной позе с вытянутой рукой. Ее глаза стали холодными, и она попросила у Купера телефон.

Через тридцать секунд после ее первого звонка в коридоре появились восемь работников БШЭ. Охранники оттеснили зевак, а инженеры установили новую дверь, для чего пришлось заменить две покореженные дверные петли. На все это ушло менее четырех минут, а к тому времени Гэллоуэй завершила второй звонок.

Всего она сделала три звонка, и ни один из них не продолжался более двух минут. Во время одного из них она мило поболтала с кем-то из «Telecommunition Network» и вскользь упомянула, что у нее проблема с протезом. Выслушав ответ, она поблагодарила человека на другом конце линии и закончила разговор. Звонок в «GM&L» – конгломерат, владеющий «Сайдкик инкорпорейтед» – был деловым и коротким.

Через два часа в дверь постучал ремонтник из «Сайдкик»⁴. И лишь на следующий день Купер понял, что этот человек был на поверхности Земли, когда ему позвонили, и что для его доставки сюда был использован специальный корабль, разгонявшийся с ускорением в один «g» на протяжении всего пути. И что корабль этот вез только ремонтника и его комплект приборов, который он быстренько открыл и подключил к терминалу компьютера на стене, после чего занялся диагностикой и ремонтом.

Но за эти два часа...

* * *

– Если хочешь, чтобы я ушла, то я уйду, – сказала она, глотнув из третьего бокала вина Купера.

– Пожалуйста, не надо.

Она все еще сидела застывшая, как кадр из боевика. Ноги и правая рука у нее работали, но от бедер и выше по спине и вниз по левой руке протез закоротило. Смотрелось это жутко неприятно. Купер спросил, может ли он что-то для нее сделать.

– Вообще-то, ничего страшного, – ответила она, опуская подбородок на вытянутую руку.

– А они смогут его починить?

– О, конечно. – Она допила вино. – А если нет, то я просто останусь здесь, и у тебя появится настоящая говорящая мебель. Человек-вешалка для шляп.

⁴ Слово «sidekick» имеет много значений, в том числе «помощник» или «компаньон». Здесь оно переведено как «протез», что отображает реальное назначение этого устройства, как будет ясно из текста.

Она взяла свою рубашку с кушетки и набросила ее на застывшую руку, потом улыбнулась ему. Улыбка приятной не была.

Он помогал ей снять рубашку. Это было примерно как раздевать статую. Идея заключалась в том, чтобы проверить протез на наличие мелких повреждений и видимых трещин, что вызвало бы необходимость быстрого снятия аппарата. Такая перспектива ее явно не обрадовала бы. Но, насколько он мог судить после осмотра, протез был физически цел. Повреждение возникло на уровне электроники.

Так у него появилась возможность максимально разглядеть вблизи техническое чудо этой эпохи – даже ближе, чем накануне вечером, когда они занимались сексом. Тогда правила приличия не позволяли на него пялиться. Теперь же у него имелось идеальное оправдание, и он им воспользовался сполна.

Когда он думал о протезе, его даже пугало, что конструкторы упаковали так много энергии в механизм, которого практически не было. Самая массивная часть протеза приходилась на ядро, которое было сегментировано, обернуто в мягкий пластик телесного цвета и охватывало ее позвоночник от ягодиц до затылка. Его толщина нигде не превышала трех сантиметров.

От ядра лучами расходилась тончайшая сеть золотых цепочек, лент и браслетов, образующая настолько хитроумную систему, что можно было почти поверить, что все это украшения, а не провода, подающие питание на участки, позволяющие ей двигаться. Ленты, сплетенные из золотых провололочек, проходили крест-накрест между ее грудей и соединялись тонкой золотой цепочкой с волнистой S-образной деталью, скрытой под волосами и подсоединенной к задней части золотой тиары, из-за которой она походила на Чудо-Женщину из комиксов. Спиральные ленты, выполненные в виде змей, обвивали ее руки, кусая друг друга за хвосты, пока последние не соединялись с толстыми, инкрустированными драгоценностями браслетами на запястьях. От браслетов, в свою очередь, отходили проволоочки толщиной в волос, переходящие в кольца на пальцах, по одному на каждый сустав, и в каждое был встроен бриллиант. Во всех остальных частях тела эффект был во многом таким же. Каждая деталь была сама по себе прекрасным ювелирным изделием. Худшее, что можно было сказать про Меган Гэллоуэй в «обнаженном» виде, – только то, что она демонстративно украшена драгоценностями. Если не обращать на такую чрезмерность внимания, то выглядела она абсолютно ошеломляюще: позолоченная Венера или изображенная фэнтезийным художником амазонка в полном, но непрактичном доспехе. Одетая, она смотрелась как все, если не считать тиары и колец. Протез не имел угловатых поверхностей, натягивающих одежду или выпирающих под неестественными углами. Купер предположил, что для Гэллоуэй это было столь же важно, как и то, что протез смотрелся очень красиво и, безусловно, не как ортопедическое устройство.

– Он уникальный, – сказала она. – Других таких нет.

– Я не собирался на него пялиться.

– О, небо! – воскликнула она. – Ты и не пялился. Ты настолько демонстративно *не* пялился, что наверняка был переполнен восхищением. И нет... ничего не говори. – Она подняла работающую руку и подождала, пока Купер снова не сядет. – Прошу тебя, хватит извинений. Я очень хорошо представляю, какую проблему создаю для человека с хорошими манерами и любопытством, и я нечестно поступила, высказавшись насчет пялиться или не пялиться. Это делает тебя виноватым независимо от того, как ты себя ведешь.

Она прислонилась к стене, устраиваясь насколько можно удобнее в ожидании ремонтника.

– Я горжусь этой чертовой штуковиной, Купер. Наверное, это очевидно. И, конечно же, отвечала на одни и те же вопросы столько раз, что это вгоняет меня в скуку. Но тебе, поскольку ты предоставил мне убежище в неприятный момент, я расскажу все, что ты захочешь узнать.

– Он действительно золотой?

– Чистое золото, двадцать четыре карата.

– Полагаю, из-за этого и появилось твое прозвище.

Она поняла не сразу, но через секунду ее лицо прояснилось.

– Туше. Мне это прозвище нравится не больше, чем тебе – твое. И оно не более правильное, чем твое. Поначалу Золотой Цыганкой была не я, а протез. Так называлась эта модель. Но до сих пор она изготовлена только в одном экземпляре, и вскоре это название прилипло ко мне. Я это не поощряла.

Купер понял ее очень даже хорошо.

Он задал еще несколько вопросов. Очень скоро объяснения стали для него слишком техническими. Он был удивлен, что она так много об этом знает. Ее знания ограничивались математикой полей с регулируемой деформацией, но это было ее единственное ограничение. Именно ПРД делали существование Пузыря возможным, потому что их можно было настроить в резонанс с конкретными молекулярными или атомными структурами. Поля Пузыря были настроены так, чтобы отталкивать или притягивать молекулы воды, в то время как поля, генерируемые протезом Гэллоуэй, воздействовали на атомы золота, и только на них. Далее она рассказала гораздо больше, чем он смог усвоить, о том, как эти поля генерируются в ядре протеза, а потом формируются волновыми, скрытыми в ее украшениях, и деформируются («Физические термины обычно не элегантны», – извинилась она.), подчиняясь диктату наноконкомпьютеров, распределенных по всей аппаратуре, и управляясь процессом, который она назвала «дополненной холиститопологией с нейронной обратной связью».

– А если простыми словами... – взмолился он.

– ...то я думаю о нажатии среднего вентиля, музыка звучит непрерывно и приходит сюда. – Она вытянула руку и согнула средний палец. – Ты зарыдаешь, если узнаешь, сколько решений должно принять ядро, чтобы совершить это простое движение.

– С другой стороны, – сказал он и затараторил, вспомнив, что случилось с другой ее рукой, – в моем мозге тоже происходят сложные процессы, когда я делаю то же самое, но мне не нужно их программировать. Это делается за меня. Разве это не почти так же, как у тебя?

– Почти. Но не совсем. Если бы для тебя сделали такой же протез и подключили тебя к нему, ты бы много дергался. Через пару недель ты бы очень неплохо играл в ладушки. Но через год ты бы даже не думал об этом. Мозг самообучается. Что есть упрощенный способ сказать, что ты шесть или семь месяцев будешь бороться днем и ночью с тем, что ощущается как совершенно неестественное, и в конечном итоге научишься это делать. А затем поймешь, что научиться танцевать чечетку на лезвии бритвы станет пустяковой задачей.

– Ты сказала, что тебе задавали все мыслимые вопросы. Какой был самым неприятным?

– Господи, да ты совсем бесстыжий? Тут и думать нечего. «Как вы получили такую травму?». Отвечаю на вопрос, который ты так хитроумно не задал: я сломала свою дурацкую шею, когда я и мой дельтаплан поспорили с деревом. Дерево победило. Через много лет я вернулась и срубила то дерево, что, возможно, было самым дурацким поступком в моей жизни, не считая того, что произошло сегодня. – Она посмотрела на него и приподняла бровь. – Ты разве не собираешься спросить меня об этом?

Купер пожал плечами.

– Самое смешное, я *хочу*, чтобы ты спросил. Потому что это связано с тем, что у нас было вчера, и именно про это я пришла сюда с тобой поговорить.

– Так говори, – предложил он, гадая, что она может на эту тему сказать, кроме того факта, что это было отвратительно и унижительно для любого из них.

– Это был худший сексуальный опыт в моей жизни. И твоей вины в этом ноль. Пожалуйста, не перебивай. Есть то, о чем ты не знаешь.

Я понимаю, что ты невысокого мнения о моей профессии – я *действительно* не хочу, чтобы ты меня прерывал, иначе я никогда не договорю. Если ты с чем-то не согласен, можешь сказать потом, когда я закончу.

Ты был бы весьма странным спасателем, если бы оказался фанатом транс-записей или если бы не испытывал превосходства над теми, кто их покупает. Ты молод, достаточно хорошо образован и ясно излагаешь свои мысли, у тебя хорошее тело и привлекательное лицо, а противоположный пол тебя не пугает и не лишает уверенности. Ты находишься на краю *всех* демографических кривых распределения. Ты *не* моя аудитория, а люди, которые *не* относятся к моей аудитории, склонны смотреть на нее *сверху вниз*, а обычно и на меня, и на мне подобных тоже. И я их не виню. Я и мне подобные взяли то, что могло бы стать великим видом искусства, и превратили его в явление настолько спекулятивное, что от него тошнит даже Голливуд и Шестую авеню.

Ты не хуже меня знаешь, что сейчас вырастет очень много людей, которые не узнают честную, настоящую, родившуюся внутри них эмоцию, даже если она даст им пинка в зад. Если у них отнять трансеры, то они практически станут зомби.

Я долгое время льстила себя тем, что я немного лучше, чем индустрия в целом. Есть некоторые сделанные мной записи, которые меня в этом поддержат. Вещи, на которые я поставила и которые пытаются быть сложнее, чем того диктует НОЗ. *Не* те записи, которыми я зарабатываю на хлеб с маслом. Они такие же примитивные, как и худшие туристические путеводители, написанные по заказу. Но я пыталась уподобиться работникам в других художественных «потогонках» прошлого. Тем немногим, кто сумел выдать результат с определенным качеством, как некоторые режиссеры голливудских вестернов, от которых никогда не ждали чего-то большего, чем роль любимцев публики, и которые все же сняли произведения искусства. Или горстка телевизионных продюсеров, которые... но их имена тебе ничего не говорят, верно? Извини, я не собиралась читать тебе лекции. Просто я это исследовала – роль искусства в массовой культуре.

У всех этих старых форм искусства был андерграунд, альтернативная версия – независимые личности, которые пробивались вперед без финансирования и выдавали результаты переменного качества, но с определенным *видением*, каким бы странным оно ни было. Транс-записи дороже фильмов или телевидения, но и там есть андерграунд. Просто он существует настолько глубоко, что практически никогда не выходит на свет. Можешь не верить, но и при записи эмоций можно создавать великое искусство. Я могу назвать имена, но любое из них ты никогда не слышал. И я не говорю о тех, кто записывает то, что испытываешь во время убийства, – это совершенно иной андерграунд.

Но ситуация усложняется. До сих пор было так, что мы могли хорошо зарабатывать, но при этом держаться подальше от записей секса. Позволь добавить, что я не испытываю презрения к людям, которые делают записи секса. Учитывая состояние нашей аудитории, для многих из них сделалось необходимостью иметь под рукой заезженную кассету для мастурбации, так что, когда им становится невтерпёж, они используют ее по назначению. Большинство из них не имеет ни малейшего представления о чем-то ином. Я просто не хочу делать такие записи сама. В нашем ремесле уже стало аксиомой, что любовь – единственная эмоция, которая не может быть записана, и я не могу...

– Извини, но тут я должен прервать, – сказал Купер. – Я никогда такого не слышал. Более того, я слышал как раз противоположное.

– Ты слушал нашу рекламу, – возразила она. – Выкинь это дерьмо из головы, Купер. Это чистое надувательство. – Она потерла лоб и вздохнула. – Ну, хорошо. Я высказалась не совсем точно. Я могу сделать запись того, как я люблю маму, или папу, или того, кого я уже люблю. Это нелегко сделать – чем тоньше эмоции, тем труднее они улавливаются и записываются. Но никто еще не записывал сам процесс влюбленности. Для трансинга это своего рода принцип неопределенности Гейзенберга, и никто точно не знает, чем обусловлено ограничение – оборудованием или человеком, которого записывают. Но оно существует, и есть очень веские причины полагать, что никому и никогда не удастся записать такой тип любви.

– Не понимаю, почему бы и нет, – признался Купер. – Это же будут очень сильные эмоции. А ты сказала, что самые сильные эмоции легче всего записать.

– Это так. Но... ладно, попробуй-ка представить. Я получила свою работу, потому что у меня лучше получается не обращать внимания на всю аппаратуру, используемую в процессе трансинга. Причина в моем протезе. В смысле, если я научилась забывать, что я управляю *им*, то могу игнорировать что угодно. Вот почему телеканалы прочесывают отделения травматологии в больницах, высматривая потенциальных звезд. Это как... так вот, в ранние дни исследования секса они предлагали людям трахаться в лабораториях, обклеив их датчиками. И многие просто не смогли этого делать. Они были слишком напряжены. Подключи большинство людей к транскордеру, и получишь вот что: «О, как будет интересно делать запись, посмотри, сколько людей за мной наблюдают, и сколько вокруг камер, как интересно, а теперь мне нужно о них забыть, я должен о них забыть, я просто *должен* о них забыть...»

Купер поднял руку и кивнул. Он вспомнил, как увидел ее вылетающей из воды в тот первый день в Пузыре и свои чувства в тот момент.

– Так что суть создания записи, – продолжила она, – это игнорировать сам факт, что ты ее создаешь. Реагировать в точности так, как бы ты реагировал, если бы *не* создавал ее. Это требует от актера определенных качеств, но большинство актеров на это не способно. Они слишком много думают о процессе. И не могут вести себя естественно. В этом и заключается мой талант: вести себя естественно при неестественных обстоятельствах.

Но есть ограничения. Ты можешь трахаться без тормозов во время трансинга, и запись сохранит, насколько хороши были ощущения и как ты безумно наслаждался процессом. Но все это рассыпается, когда машина сталкивается с первым моментом влюбленности. Или этот момент наступает, или тот, кого записывают, просто не может войти в нужное *настроение*, чтобы влюбиться. Отвлечение самого трансера делает это эмоциональное состояние невозможным.

Но тут я реально отклонилась от темы. Буду признательна, если ты станешь просто слушать, пока я не скажу все, что должна сказать.

Она опять потеряла лоб и посмотрела в сторону.

– Мы говорили об экономике. Надо создавать то, что продается. Мои продажи падают. Моя специализация – это то, что мы называем «тусовки». Ты тоже можешь отправиться в роскошные места с шикарными людьми. Ты тоже можешь быть важным, узнаваемым и ценным. – Она скорчила гримасу. – И еще я делаю то, что мы снимали в Пузыре. Ощущалки, только без секса. Честно говоря, они тоже сейчас продаются не очень хорошо. Записи со снобами все еще пользуются спросом, но их снимают все подряд. В них тыставляешь на рынок свою знаменитость, а моя постепенно снижается. Конкуренция там бешеная.

Вот почему я... ну, это Маркхэм меня на это уговорил. Я уже дошла до края и была готова переключиться на придурков, которые ловят кайф, звоня женщинам и молча сопя в трубку. – Она подняла на него взгляд. – Полагаю, ты знаешь, что это за личности.

Купер кивнул, вспоминая слова Анны-Луизы. Значит, даже Гэллоуэй не смогла этого избежать.

Она глубоко вдохнула, но больше не отводила взгляд.

– В любом случае, я хотела сделать нечто такое, что было бы хоть *немного* лучше старой насточертевшей порнухи. Сам знаешь: в гостиную входит торговый агент. «Я хотел бы показать вам свои образцы, мэм». Женщина распахивает пеньюар. «Взгляни на эти образцы, приятель». Переход к постельной сцене. Я решила, что для моей первой записи секса я испробую нечто более эротичное, чем скабрзное. Мне была нужна романтическая ситуация, и если я не смогу вставить в нее сколько-то любви, то хотя бы попробую чувство близости. И будет это с красивым парнем, которого я встречу неожиданно. Он будет окутан некой аурой романтики. Быть может, поначалу мы поссоримся, но все же нас сведет непреодолимое влечение, и

мы займемся любовью и расстанемся на немного трагичной ноте, поскольку будем из разных миров и никогда не сможем...

По ее щекам струились слезы. Купер осознал, что сидит с открытым ртом. Он подался к ней, поначалу слишком изумленный, чтобы говорить.

– Ты и я... – выдавил он наконец.

– Черт, Купер, *очевидно*, что ты и я.

– И ты подумала, что... то, чем мы занимались прошлой ночью... ты и вправду думала, что такое стоило записывать? Я знал, что это было плохо, но даже не догадывался, *насколько* плохо это могло стать. Я знал, что ты меня используешь – черт, я ведь тоже тебя использовал, и мне это нравилось не больше, чем тебе, – но никогда не думал, что это было настолько цинично...

– Нет, нет, нет, нет! – Она уже всхлипывала. – Было не так. Было еще *хуже*! Все должно было случиться спонтанно, черт побери! *Я* тебя не выбирала. Это должен был сделать Маркхэм. Найти кого-то, подготовить, организовать встречу, скрыть камеры для записи встречи и позднее в спальне. Подробностей я не знала. Мы изучили старое шоу под названием «Скрытая камера» и использовали некоторые из их приемов. Они *всегда* подбрасывали мне что-то неожиданное, помогая сохранять свежесть восприятия. Но как я могла удивиться, когда ты оказался возле моего столика? Сам посуди: в романтическом Пузыре, красавец спасатель – спасатель, боже ты мой! – спортсмен-олимпиец, которого миллионы видели по телевизору, раздраженный моими богатенькими декадентскими друзьями... Да такого набора клише я не получила бы даже от самого укуренного телевизионного сценариста!

Какое-то время в комнате слышалось лишь ее негромкое всхлипывание. Купер взглянул на произошедшее с разных сторон, и с любой их них все выглядело паршиво. Но ему столь же хотелось действовать по сценарию, как и ей.

– Я ни за что не согласился бы на твою работу, – сказал он.

– И я бы тоже, – выдавила она, немного придя в себя. – И не соглашусь, будь она проклята. Хочешь узнать, что произошло сегодня утром? Маркхэм мне продемонстрировал, насколько он на самом деле оригинален. Я сидела и завтракала, и тот парень – он спасатель, ты готов? – споткнулся и вывалил свою тарелку мне на колени. Так вот, пока он меня чистил, он начал меня охмурять со скоростью, от которой позеленел бы Нил Саймон⁵. Извини, опять полезла в историю. Достаточно сказать, что парень словно читал текст по сценарию... после него та дерьмовая сценка, что мы вчера разыграли вместе, покажется просто чудесной. Улыбка у него была фальшивая, как бронзовый транзистор. Я поняла, что происходит, что я сделала с тобой, поэтому сунула того сукиного сына мордой в его французский тост, отыскала Маркхэма, сломала его гребаную челюсть, уволилась с работы и пришла сюда извиниться. И слегка психанула и вышибла твою дверь. Так что извини, мне на самом деле очень жаль, что так случилось, и я бы ушла, но сломала свой протез, а я *ненавижу*, когда на меня пялятся, как те зеваки, и я осталась бы здесь еще немного, пока не придет ремонтник, и даже не представляю, что я теперь буду *делать*.

Тут остатки ее самообладания разлетелись на куски, и она горько зарыдала.

* * *

К моменту прихода ремонтника Гэллоуэй опять взяла себя в руки.

Фамилия ремонтника была Снайдер. Он был и врачом, и кибертехником, и Купер предположил, что такая комбинация позволяет ему самому устанавливать за услуги любую цену.

⁵ Нил Саймон (Neil Simon, 1927–2018) – американский драматург и сценарист.

Гэллоуэй прошла в спальню и получила все чистые полотенца. Она расстелила их на кровати, потом сняла одежду. Легла лицом вниз на толстую подкладку из полотенец, поместив их от коленей до талии. Устроилась со всем удобством, которое позволяла заклинившая рука, и стала ждать.

Снайдер поколдовал кнопками на диагностическом приборе, коснулся острыми, как иголки, шупами различных точек на ядре протеза, и рука Гэллоуэй расслабилась. Он сделал еще несколько подключений, в ядре что-то взвыло, и протез раскрылся наподобие «железной девы». Все браслеты, цепочки, амулеты и кольца разделились вдоль невидимых соединительных линий. Затем Снайдер подошел к кровати, ухватил протез одной рукой вокруг центра ядра и поднял его с тела Гэллоуэй. Он поставил протез на «ноги», и тот быстро встал по стойке «смирно».

Купер как-то видел эстамп Эшера⁶ под названием «Корка», на которой с бюста женщины словно бы срезана полоской кожа и причудливо расположена в пространстве, занимая объем больше первоначального. Там видны и внешняя, и внутренняя поверхности кожи, как если бы ленту нарисовали на невидимой поверхности неправильной формы. Протез Гэллоуэй – минус Гэллоуэй – смотрелся очень похоже. Это было одно-единое, хотя и скрученное, целое, конструкция из пружинок и проводков, слишком хрупкая, чтобы стоять самостоятельно, но, тем не менее, каким-то образом стоящая. Купер видел, как она слегка покачивается, сохраняя равновесие, и кажется слишком живой.

Гэллоуэй, с другой стороны, напоминала тряпичную куклу. Снайдер взглядом попросил Купера о помощи, и они перевернули ее на спину. Она немного владела руками, а голова у нее не болталась по-кукольному, чего ожидал Купер. Вдоль усеянного шрамами позвоночника тянулась металлическая проволока.

– Я тоже была спортсменкой – до несчастного случая, – сказала она.

– Неужели?

– Ну, не твоего класса. Мне было пятнадцать, когда я сломала шею, и весь мир не рукоплескал мне, как бегунье. Девушки в таком возрасте уже слишком стары для бега.

– Это не совсем так, – возразил Купер. – Но после пятнадцати все намного тяжелее.

Она потянулась к одеялу руками, которые действовали не очень хорошо. Вкупе с ее неспособностью приподняться на кровати, наблюдать за этим было больно. Купер протянул руку к краю одеяла.

– Нет, – твердо произнесла она. – Правило первое. Никогда не помогай инвалиду, если тебя не попросили. И неважно, как плохо у нее получается, просто не помогай. Она должна научиться просить, а ты должен научиться позволять ей делать то, что она *может*.

– Увы, у меня не было знакомых инвалидов.

– Правило второе. Негр может называть себя негром, а инвалид может называть себя инвалидом, но не дай бог здоровому белому человеку произнести любое из этих слов.

Купер откинулся на спинку стула.

– Может, мне проще будет заткнуться, пока ты не перечислишь все правила?

Она улыбнулась.

– На это уйдет весь день. И, если честно, некоторые из них противоречат друг другу. Мы можем быть довольно раздражительными, но я не собираюсь за это извиняться. Это не твоя вина, но мне кажется, что я тебя из-за этого немного ненавижу.

Купер поразмыслил над ее словами.

– Думаю, я бы тоже, наверное, стал.

⁶ Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) – нидерландский художник-график, основоположник импоссибилизма и мастер оптических иллюзий.

– Да. Тут нет ничего серьезного. Я с этим уже давно примирилась, после пары тяжелых лет.

Она так и не смогла дотянуться до одеяла и в конце концов, сдалась и попросила его помочь. Купер укрыв ее до шеи.

Он подумал, что еще многое хотел бы узнать, но почувствовал, что она, скорее всего, больше не сможет отвечать на вопросы, что бы она по этому поводу ни говорила. Да и он уже не так горит желанием узнавать ответы. Он уже собрался было спросить, для чего нужны полотенца на кровати, и тут для него внезапно стало очевидным, для чего они нужны, и Купер даже не мог представить, почему не понял этого сразу. Он попросту ничего не знал о ней, и совсем ничего – об инвалидности. Ему было немного стыдно такое признавать, но он не был уверен, что *хочет* знать об этом больше.

* * *

Он никак не смог бы утаить события этого дня от Анны-Луизы, даже если бы захотел. Весь комплекс гудел, пересказывая друг другу историю о том, как Золотая Цыганка слетела с катушек, хотя новость про то, что она уволилась с работы, еще не стала общеизвестной. За время своей очередной смены он рассказал эту историю трижды. Каждый рассказ немного отличался, но все были приближены к правде. Похоже, большинство рассказчиков полагало, что это забавно. Купер предположил, что еще вчера он бы тоже так считал.

Вернувшись с работы, Анна-Луиза осмотрела дверные петли.

– Должно быть, у нее впечатляющий хук правой, – предположила она.

– Вообще-то, она была левой. Хочешь послушать, как все было?

– Я вся внимание.

И тогда он рассказал ей все. Куперу было очень нелегко понять, как она воспринимает его рассказ. Она не смеялась, но и особой симпатии не проявляла. Когда он договорил – упомянув с некоторым трудом о недержании Гэллоуэй, – Анна-Луиза кивнула, встала и направилась в ванную.

– Ты жил беззаботной жизнью, Кью-Эм.

– О чем ты?

Она развернулась и, кажется, впервые разозлилась.

– О том, что, судя по твоим словам, ни о чем худшем, чем недержание, ты никогда в жизни не слышал.

– Ну, и что это тогда? Ничего особенного?

– Уж точно не для *той* женщины. Для большинства людей с ее проблемой это означает катетеры и мешки для кала. Или памперсы. Вроде тех, что носил мой дедушка в последние пять лет жизни. Все ее операции и аппаратура, имплантированная и наружная... короче, они чертовски дорогие. Их нельзя было сделать за деньги, которые дедушка получал от государства, и программы медицинского страхования Конгломерата тоже их не оплатят.

– А, так вот в чем дело. Только потому, что она богата и может себе позволить наилучшее лечение, ее проблемы ничего не стоят. А хотела бы *ты*...

– Минутку, погоди... – Она смотрела на него, и выражение ее лица менялось от симпатии к отвращению. – Я не хочу с тобой ссориться. И знаю, что мне не было бы приятно сломать себе шею, будь я даже миллиардером.

Она помолчала, похоже, тщательно подбирая слова.

– Меня в этой истории что-то тревожит, – сказала она, наконец. – Даже не могу точно сказать, что именно. Как минимум я волнуюсь за тебя. Я и теперь считаю, что ты совершил ошибку, связавшись с ней. Ты мне нравишься. И я не хочу увидеть тебя пострадавшим.

Купер внезапно вспомнил свое решение накануне ночью, когда она спала рядом с ним. И это его ужасно смутило. Что *реально* он испытывает к Анне-Луизе? После всего, что Гэллоуэй рассказала о любви и лжи в рекламных роликах трансеров, он не знал, что и думать. Можно лишь пожалеть, если подумать об этом, что в его возрасте он не имеет ни малейшего представления о том, какой может быть любовь, и что он действительно предположил, что ее можно найти, когда придет время, в транс-записях. И это его разозлило.

– Да о чем ты говоришь? Пострадавшим? – взорвался он. – Она не опасна. Я признаю, что она на миг потеряла там контроль, и она ужасно сильная, но...

– О, помогите же, кто-нибудь! – простонала Анна-Луиза. – И что мне прикажете делать с этими эмоционально недоразвитыми придурками, которые думают, что реально только то, о чем им скажет кто-то по теле...

– Придурками? Ты назвала меня расистом, когда...

– Ладно, извини.

Он еще некоторое время негодовал, но она лишь качала головой и не слушала, и наконец Купер смолк.

– Закончил? Прекрасно. Я здесь схожу с ума. У меня остался всего месяц до возвращения домой. И я воспринимаю большинство землян – это для тебя достаточно нейтральный термин? – как ненормальных. Ты не настолько плох – большую часть времени, за исключением того, что ты, похоже, слабо представляешь, ради *чего* живешь. Ты любишь трахаться и любишь плавать. Даже в этом вдвое больше смысла, чем есть у большинства придур... терран.

– Ты... уезжаешь?

– Сюрприз! – воскликнула она с нескрываемым сарказмом.

– Но почему ты мне не сказала?

– А ты никогда не спрашивал. Ты о многом никогда не спрашивал. Вряд ли ты когда-нибудь сознавал, что у меня могло появиться желание рассказать о своей жизни или что она может отличаться от твоей.

– Ошибаешься. Я почувствовал разницу.

Она приподняла бровь и вроде бы собралась что-то сказать, но передумала. Потерла лоб, потом глубоко и решительно вдохнула.

– Мне почти жаль это слышать. Но, боюсь, уже поздно начинать сначала. Я от тебя ухожу. И она начала собирать вещи.

Купер попытался ее отговорить, но у него ничего не вышло. Она заверила, что уходит не из-за того, что ревнует. Похоже, ее даже позабавило, что Купер подумал, что причина может быть в этом. И еще она сказала, что не собирается перебираться к Юрию Фельдману. И свой последний месяц в Пузыре намерена прожить одна.

– Я возвращаюсь на Луну, чтобы сделать то, что давно планировала, – сказала она, завязывая свой вещмешок. – Поступлю в академию полиции. Я скопила достаточно, чтобы оплатить обучение.

– Полиции?

Купер удивился бы меньше, если бы она заявила, что собирается полететь на Марс, размахивая руками, как крылышками.

– А ты и понятия не имел, так? Что ж, да и с какой бы стати? Ты не особо замечаешь других людей, если только не трахаешь их. Я не утверждаю, что это твой недостаток – тебя научили быть таким. Ты вообще когда-нибудь задумывался, что я здесь делаю? Меня привлекли вовсе не условия работы. Я презираю это место и всех, кто сюда прилетает. Я даже не очень люблю воду и *ненавижу* это чудовищное непотребство, называемое Пузырем.

Купер с трудом преодолел шок. Он даже представить не мог, что существуют люди, которых не привлекает магия Пузыря.

– Тогда почему? Почему ты здесь работаешь и почему его ненавидишь?

– Ненавижу, потому что люди в Пенсильвании голодают, – ответила она, озадачив его окончательно. – И я работаю здесь, да поможет мне бог, из-за хорошей зарплаты, чего ты мог не заметить, потому что вырос в комфорте. Я сказала бы, что вырос богатым, но теперь я знаю, что такое настоящее богатство. А я выросла бедной, Купер. Еще одна мелкая подробность, которую ты не удосужился узнать. Я тяжело работала ради всего, включая шанс попасть сюда, в этот отвратительный сутенерский город, чтобы обеспечивать безопасность для богатых дегенератов, потому что БШЭ платит полновесными и твердыми долларами GWA. Ты, наверное, никогда этого не замечал, но Луна претерпевает серьезные экономические затруднения, потому что попала между двумя вашими государствами-корпорациями... короче, забудь. Какой смысл забивать свою симпатичную головку такой ерундой?

Она подошла к двери, открыла ее, потом обернулась и посмотрела на него.

– Если честно, Купер, я не испытываю к тебе неприязни. Думаю, мне тебя жаль. Достаточно жаль, чтобы повторить: опасайся Гэллоуэй. Если свяжешься с ней прямо сейчас, то пострадаешь.

– До сих пор не понимаю, как.

Она вздохнула и отвернулась.

– Тогда мне больше нечего сказать. Увидимся.

* * *

Меган Гэллоуэй сняла номер-люкс «Миссисипи», лучший в отеле. Она не подошла к двери, когда Купер постучал, а просто открыла дверь дистанционно.

Она сидела на кровати, одетая в просторную ночную рубашку, и в очках с тонкой оправой, и смотрела на стоящий перед ней небольшой ящик. Кровать напоминала пароход с задним колесом, не хватало лишь дыма и искр из стоек балдахина, и была больше всей его комнаты вместе с ванной. Она сдвинула очки на кончик носа и уставилась на него поверх них.

– Я что-то могу для тебя сделать?

Купер обошел кровать и разглядел ящик, у которого на одной из сторон мерцало тусклое изображение.

– Что это?

– Старинный телесериал. «Хани Уэст», примерно 1965 год, канал Эй-Би-Си. В главных ролях Энн Фрэнсис, Джон Эрикссон и Ирен Херви. Шел по пятницам в девять вечера. Спин-офф «Закона Берка»⁷, помер в 1966 году. Что не так?

– А почему картинка не объемная?

– Тогда этого еще не было. – Она сняла очки и принялась покусывать резиновую дужку. – Как у тебя дела?

– Удивлен, что ты носишь очки.

– Когда тебе сделают столько операций, сколько сделали мне, ты пропустишь те, без которых можно обойтись. И почему мне кажется, что тебе трудно произнести то, ради чего ты ко мне пришел?

– Не хочешь сходить поплавать?

– Бассейн закрыт. Ежедневная фильтрация, или что-то в этом роде.

– Знаю. Нет лучшего времени, чтобы поплавать.

Она нахмурилась.

– Но мне сказали, что во время фильтрации никого не впускают.

– Да. Это незаконно. Как и все, что доставляет удовольствие, верно?

⁷ «Закон Берка» – американский детективный сериал, который транслировался на канале ABC с 1963 по 1966 год.

* * *

Каждые сутки Пузырь закрывали на час для ускоренной фильтрации. Когда-то он был открыт весь день, а фильтрация работала постоянно. Но потом некий клиент ухитрился обойти три системы безопасности, после чего был аэрирован, взболтан, облучен, центрифугирован и под конец пропущен под давлением через несколько очень мелких сеток. Большая часть того, что от него осталось, все еще присутствовала в воде в той или иной форме, а легенда о нем родила первого на станции призрака.

Но задолго до того, как Фильтрованный Фантом начал бродить по коридорам, систему изменили. Фильтры никогда не отключали полностью, но пока люди находились в бассейне, фильтры работали на малой скорости. Один раз в день их включали на полную мощность.

Но все же этого было недостаточно. Поэтому каждые десять дней БШЭ закрывала бассейн на более длительное время и подвергала воду интенсивной обработке.

– Не могу поверить, что никто за этим не наблюдает, – прошептала Меган.

– Это ошибка. Безопасность обеспечивается компьютером. Здесь установлено двадцать камер, но кое-кто забыл сказать компьютеру, что надо завопить, если он увидит, как кто-то входит во время фильтрации. Мне об этом сообщил сам компьютер, и он считает, что это очень забавный ляп.

Орды купающихся ушли два часа назад, а бригада чистильщиков – за полчаса до Купера и Меган. Гэллоуэй, наверное, полагала, что после двух визитов знает Пузырь очень хорошо. Сейчас она обнаруживала, как это давно понял Купер, что не знает ничего. Разница между курортным пляжем в выходные во время отпуска и в какой-нибудь день в середине зимы была ничем по сравнению с тем, что она увидела сейчас.

Это был идеально неподвижный и абсолютно прозрачный хрустальный шар размером с планету.

– О, Купер.

Он ощутил, как она сжала его руку.

– Посмотри. Там внизу. Нет, левее.

Она взглянула туда, куда указывал его палец, и увидела стайку золотых рыбок далеко под поверхностью. Они плыли наподобие ленивых субмарин, большие и толстые, как арбузы, и ручные, как белки в парке.

– Можно его потрогать, папочка? – прошептала она, едва не хихикнув. Купер сделал вид, что раздумывает, потом кивнул. – Знаешь, а мне почти не хочется этого делать. Это как огромное поле, засыпанное свежевывавшим снегом, на котором еще никто не оставил следов.

– Да, знаю. – Он вздохнул. – Но это можем сделать и мы. Поторопись, пока тебя кто-нибудь не опередил.

Купер улыбнулся ей и медленно оттолкнулся с невесомого наместа на террасе солярия, проходящей по ободу бокала для шампанского.

Она оттолкнулась сильнее и обогнала его на полпути, как он и предполагал. Волны от ее вхождения в воду разошлись идеальными кругами, а потом и он вошел в воду сразу после нее.

* * *

Это был совершенно другой мир.

Когда много лет назад был предложен проект Пузыря, он был задуман как сплошной водяной шар, для поддержания которого не использовалось бы ничего, кроме невесомости и поверхностного натяжения. И то, и другое были бесплатны, что было существенным аргументом в их пользу.

Но в конечном итоге строители проголосовали за поля ПРД. Причиной было то, что, хотя любой объем воды приобретал в невесомости сферическую форму, поверхностное натяжение не имело достаточной силы, чтобы поддерживать эту форму, если ее потревожить. Такая структура работала бы прекрасно, но при условии, что в нее не проникали пловцы, нарушая хрупкий баланс.

ПРД обеспечивали необходимую и незаметную силу, сохраняющую весь замысел. Настроенные притягивать или отталкивать воду, они также действовали как сила, выталкивающая посторонние предметы или к внутренней, или к внешней поверхности. По сути, они заставляли все, что *не* было водой, плавать. Кусок свинца всплывал легче, чем тело человека. Пузырьки воздуха тоже выталкивались на поверхность. Поля были сознательно настроены на низкую интенсивность. В результате люди не выскакивали из воды, как пробки, а медленно дрейфовали к поверхности, где плавали в воде довольно высоко. Кроме того, когда бассейн был открыт, он постоянно взбалтывался миллионами воздушных пузырьков.

Когда Купер и Гэллоуэй вошли в воду, пузырьки, оставленные счастливыми купальщиками, уже давно слились с одним из больших объемов воздуха. Пузырь превратился в волшебную линзу, в объем воды с бесконечной кривизной. Он был почти прозрачным, с легким аквамариновым оттенком. То, как он преломлял свет, околдовывало настолько, что человек мог вообразить, будто видит все вокруг себя.

Он искажал сам внешний мир. Станция спасателей, кабинки для переодевания, бар и кресла солярия в центре были скручены почти до неузнаваемости, словно исчезали за горизонтом событий черной дыры. Обод бокала, темно-фиолетовый купол силового поля над ним и круг кресел в солярии, где клиенты могли подрумываться под настоящим солнечным светом, изгибались и расплывались наподобие сюрреалистичного ландшафта. И все внутри и снаружи Пузыря перетекало из одной конфигурации в другую, когда человек менял позицию в воде. Ничто не оставалось постоянным.

У этого правила имелось единственное исключение. В воде предметы не искажались. Тело Гэллоуэй существовало в другой плоскости, перемещалось на зыбком и искривленном фоне почти как дисгармонирующее вторжение реальности: розовая плоть и золотой металл, выющиеся желтые волосы, движущиеся руки и ноги. Воздушные пузырьки, выходящие из ее дыхательного мундштука, каскадом струились вниз перед ее телом. Они поглаживали ее тысячами переливающихся капелек ртути, пока ноги не взбивали их в пену. Меган плыла наподобие элегантного и обтекаемого летательного аппарата, оставляющего за собой инверсионный след.

Обычно Купер не надевал мундштук и шейный баллон, когда плавал один, но сейчас он их надел – в основном, чтобы Гэллоуэй не потребовала снять свои. Купер считал, что единственный достойный вариант – плавать полностью обнаженным. По его мнению, дыхательные аппараты требовались только ракообразным и планктону, которые не понимали физических законов Пузыря и никогда не удосуживались потратить какое-то время на их изучение. Можно было безнадежно потеряться, утратить ориентацию и возможность понять, где кратчайшее расстояние до воздуха. Хотя тела со временем всплывут на поверхность, по пути можно легко утонуть. У Пузыря не имелось ни отмелей, ни глубины. Поэтому мундштуки были обязательны для всех пловцов. Они состояли из двух полукруглых баллонов, надевающихся на шею, шланга, закрепляемого на ухе датчика и самого мундштука. В баллонах был запас кислорода на пятнадцать минут, подаваемого или по мере необходимости, или когда датчик по изменению цвета крови посылал сигнал, что организму необходим кислород. Устройство автоматически уведомляло и пользователя, и станцию спасателей, когда баллоны оказывались почти пустыми.

Среди спасателей было делом чести вернуть баллоны такими же полными, какими они были выданы.

В Пузыре можно было проделывать такие трюки, которые были просто невозможны на плоской воде. Купер показал ей некоторые из них, и вскоре она начала делать их сама. Они вме-

сте вырывались из воды, описывали в воздухе длинные ленивые параболы, оставляя за собой кометные хвосты воды. Поля ПРД воздействовали на воду в их телах постоянно, но сила эта была настолько вялая, что позволяла им оставаться в воздухе несколько минут, пока не уступала неотвратимому импульсу, направленному к центру. Они украшали воду пенными следами, забрызгивали воздух мельчайшими капельками тумана. Проносились сквозь воду, пересекая Пузырь по радиусу и набирая скорость, пока не выскакивали на внутренней поверхности, пронзали внутреннюю полость, опять входили в воду, проплывали дальше и выныривали к солнечному свету. Если они набирали достаточную скорость, то инерция возносила их к темному солнцезащитному полю, достаточно твердому, чтобы на нем стоять.

Желание попросить Меган прийти с ним сюда породило у него нехорошие предчувствия. Более того, он удивился, услышав себя, когда попросил об этом. Несколько часов он не мог решиться, подходил к ее двери и уходил, не постучав. Оказавшись в ее номере, он словно впал в ступор, не в силах с ней заговорить, особенно из-за того, что сам не знал, что хотел ей сказать. Поэтому он привел ее сюда, где говорить было не обязательно. И самым большим сюрпризом оказалось то, что он был счастлив. Было так здорово разделить с кем-то такое удовольствие. Он гадал, почему не поступал так раньше. Удивился, почему не приводил сюда Анну-Луизу, вспомнив ее откровенное и реальное мнение о Пузыре, а потом отбросил мысли о ней.

Это была изнурительная игра. Он был в очень хорошей форме, но начал уставать. Интересно, Гэллоуэй когда-нибудь устает? Если и так, то ее, кажется, подпитывала энергией головокружительная радость от пребывания здесь. Она высказала ее суть во время короткого отдыха на внешнем ободе.

– Купер, ты гений. Мы только что угнали плавательный бассейн!

Большие часы на станции спасателей подсказали Куперу, что пора закругляться, и не столько из-за того, что он нуждался в отдыхе, а потому, что оставалось нечто такое, что он хотел ей показать. Такое, чего она не ожидала. Поэтому он подплыл к ней, взял ее за руку, показал на обод бокала и увидел, как она кивнула. Меган набрала скорость, и он последовал за ней.

На ободе они оказались как раз вовремя. Купер показал на солнце, заслонив глаза, как раз в тот момент, когда свет начал меняться. Он прищурился... началось! Земля выглядела черным диском, медленно поглощающим солнце.

Планета отъедала его все больше и больше. Атмосфера породила ни с чем не сравнимое световое шоу. Янтарные руки обхватили черную дыру в небе, быстро меняя цвет через весь спектр: чистые и сияющие цвета на фоне глубочайшей черноты, какую только можно представить. Солнце ужалось до яркой точки, резко вспыхнуло и исчезло. Остались только краешек короны, гало земной атмосферы и звезды.

Миллионы звезд. Если туристы на что и жаловались в Пузыре, то обычно на это. Звезд не было. Причина была простой: космос наполнен радиацией. Ее достаточно, чтобы поджарить незащищенного человека. Любая защита, способная отрезать радиацию, погасит и слабый свет звезд. Но теперь, во время солнечного затмения, датчики в поле сделали его прозрачным, как стекло. Поле все еще было непрозрачным для многих длин волн, но для человеческого глаза это не имело значения. Оно просто исчезло, а они зависли обнаженными в космосе.

Купер не мог представить лучшего места или времени для секса, и именно этим они и занялись.

* * *

– Кайфанул от этого еще немного? – спросила она.

– Угу.

Он все еще пытался отдышаться. Меган положила голову ему на грудь и удовлетворенно вздохнула.

– Я все еще слышу, как бешено колотится твое сердце.
– Мое сердце редко получало такую нагрузку.
– И некие четверть метра, судя по всему, тоже.
Он рассмеялся.
– Значит, догадалась. Это преувеличение.
– Но пятая часть метра будет преуменьшением. Что скажешь?
– Пожалуй, что так.
– А что в промежутке? Девять сороковых? Кому, черт побери, нужно прозвище вроде «Купер девять сороковых метра»? Это примерно соответствует истине?
– Достаточно близко для рок-н-ролла.
Она немного подумала над его словами, потом поцеловала его.
– Готова поспорить, что ты знаешь *точный* размер. До чертовой десятой миллиметра. С таким прозвищем ты просто *обязан* его знать.
Она опять рассмеялась и пошевелилась в его объятиях. Он открыл глаза и встретился с ней взглядом.
– На этот раз я буду рок, а ты ролл, – предложила она.

* * *

– Наверное, старею, – признался он наконец.
– Ты был бы очень старым, если бы не старел.
Ему пришлось улыбнуться, и она поцеловала его снова.
– Я лишь сожалею, что мы не остались посмотреть, как выходит солнце, – сказал он.
– Ну, а я сожалею немного больше, чем об *этом*. – Она всмотрелась в его лицо и, похоже, озадачилась тем, что увидела. – Проклятье. Никогда бы такого не ожидала, но не думаю, что ты действительно огорчен. Не знаю, почему, но мне не кажется, что тебе требуется успокаивать свое раненое эго.
– Пожалуй, да, – пожал он плечами.
– И в чем твой секрет?
– Наверное, в том, что я просто реалист. Никогда не заявлял, что я супермен. И я провел очень бурную ночь.
Он закрыл глаза, не желая это вспоминать. Но, если честно, что-то не давало ему покоя, и что-то еще предупреждало – не спрашивай об этом. Но он все же спросил.
– У меня не только была очень насыщенная ночь, – сказал он, – но, как мне кажется, я ощутил некое... короче, ты была далеко не полностью увлечена. Во второй раз. Думаю, это меня слегка отвлекло.
– А сейчас?
Он посмотрел на ее лицо, но она выглядела не сердитой, а лишь довольной.
– Я был прав?
– Конечно.
– И что было не так?
– Да так, мелочь. Я всего лишь абсолютно ничего не ощущала от кончиков пальцев ног до... примерно досюда.
Она подняла руку над грудью, чуть ниже плеч.
Он был настолько потрясен, что до него не сразу дошло. Когда он начал осознавать то, что она сказала, то ощутил ужас, по сравнению с которым импотенция показалась бы мелкой неприятностью.
– Ты же не можешь утверждать... все, что я делал... ты притворялась? Все только изображала, все время? Ты испытывала...

– В ту первую ночь – да. Так и было. Полностью. Не очень хорошо, полагаю, судя по твоей реакции.

– ...но только что...

– Только что было иначе. Даже не знаю, смогу ли объяснить.

– Пожалуйста, попробуй. – Было очень важно, чтобы она попробовала, потому что его охватило такое отчаяние, какого он не мог и вообразить. – Ты можешь... все происходит через движения? Так? И ты реально не можешь заниматься сексом?

– У меня полноценная и удовлетворительная сексуальная жизнь, – заверила она. – Она отличается от твоей, и не такая, как у других женщин. Есть много адаптаций, и мои любовники должны освоить много новых техник.

– А ты будешь...

Купера прервал высокий чирикающий писк из воды. Он обернулся и увидел, что дельфину Чарли разрешили вернуться в бассейн, и теперь тот сигналил, что их уединение окончилось. Чарли знал о Купере, был посвящен в его шалости, и всегда предупреждал, когда люди возвращались в бассейн.

– Нам надо уходить. Мы можем вернуться в твой номер, и... и ты научишь меня?

– Не знаю, хороша ли эта идея, дружище. Слушай, я получила удовольствие, мне понравилось. Почему бы нам не оставить все, как есть?

– Потому что мне очень стыдно. Такое никогда не приходило мне в голову.

Она всмотрелась в него. С ее лица исчезли все следы веселости. Потом кивнула. А Куперу захотелось, чтобы эта идея пришлась ей больше по душе.

* * *

Но когда они пришли в ее номер, она передумала. Она не казалась сердитой. Она даже не говорила на эту тему. Она лишь отстраняла его всякий раз, когда он пытался что-то начать – не со злобой, но твердо, пока он в конечном итоге не прекратил эти попытки. Затем спросила, не хочет ли он уйти. Он отказался, и ему показалось, что ее улыбка после этого стала чуть теплее.

Тогда они развели огонь в камине, используя поленья из настоящей древесины, привезенные с Земли. («Этот камин наверняка самый энергетически расточительный обогреватель из всех, что создали люди», – сказала она.) Улеглись на огромные подушки, разбросанные по ковру, и стали говорить. Они разговаривали до поздней ночи, и на этот раз Купер без труда запомнил все, о чем она говорила. Тем не менее ему было бы трудно перевести разговор на кого-то другого. Они говорили о пустяках и разочарованиях, иногда в одном и том же предложении, и было трудно понять, что все это значит.

Они сделали попкорн, пили горячий ром из ее автобара, пока не начали чувствовать себя глупо, несколько раз целовались и наконец-то уснули – целомудренные, как восьмилетние детишки на пижамной вечеринке.

* * *

Всю неделю они разделялись, только когда Купер уходил на работу. Он недосыпал, а секса у него не было совсем. Это был его самый длительный период воздержания со времен половой зрелости, и он был удивлен тем, как мало его заботила такая нехватка. Был и еще один сюрприз. Внезапно он стал ловить себя на том, что поглядывает на часы во время работы. Смена никак не заканчивалась достаточно быстро.

Меган занялась его образованием, он это понимал, и не возражал. В том, чем они занимались вместе, не было ничего сухого или скучного, она также не требовала, чтобы он разделял

ее интересы. В этом процессе он за неделю расширил свои вкусы больше, чем за предыдущие десять лет.

Наружный, прогулочный уровень станции изобиловал ресторанчиками, каждый с какой-нибудь этнической кухней. Она показала ему, что есть и другая еда, кроме гамбургеров, стейков, картофельных чипсов, тако и жареных цыплят. Меган не ела *ничего* из того, что рекламировалось по телевизору, и все же ее еда была несравнимо разнообразнее, чем еда Купера.

– Посмотри вокруг, – сказала она как-то вечером в русском ресторане, который, как она заверила, был лучше любого в Москве. – Эти люди владеют компаниями, производящими еду, которую ты ел всю жизнь. Они платят химикам, чтобы те составили «бурду месяца», нанимают рекламные агентства, чтобы те создали на нее спрос, и кладут в банк денежки, которые за нее платят пролы. Они делают с ней что угодно, но только *не едят*.

– А что, с этой едой действительно что-то не так?

Она пожала плечами.

– Какая-то обычно вызывает проблемы, вроде рака. Большая часть не очень питательна. Они следят за наличием канцерогенов, но только потому, что больной раком потребитель ест меньше. А что касается питательности, то чем больше воздуха, тем лучше. Мое эмпирическое правило: если им приходится втюхивать что-то по телевизору, это *обязано* быть плохим.

– Значит, в телевизоре все плохое?

– Да. Даже я.

Купер был безразличен к одежде, но ему нравилось ее покупать. Она не была постоянным покупательницей у кутюрье, а пополняла гардероб из разных источников.

– Эти дорогие дизайнеры работают по старинным, проверенным временем законам, – сказала она. – Все они работают более или менее совместно – хотя и не планируют так поступать. Я решила, что банальные идеи в посредственных мозгах рождаются одновременно. А про модного дизайнера, телевизионного сценариста или работника студии вообще нельзя сказать, что они обладают разумом. У них групповой менталитет, как у пчел. Они питаются дерьмом, плавающим на поверхности массовой культуры, переваривают его и получают творческий понос – и все это одновременно. Куски дерьма выглядят и пахнут одинаково, а мы называем их модой этого года, хитовыми шоу, книгами и фильмами. Главное правило в одежде – посмотреть, что носят все, а потом избегать этого. Найди творческую личность, никогда не планировавшую создавать одежду, и попроси что-нибудь придумать.

– Но ты не выглядишь такой в телевизоре, – заметил он.

– Ах, дорогой, это моя работа. Знаменитость должна быть гомогенизирована с культурой, которая верит, что ты – *реально* Знаменитость. Я не могу даже попасть в телевизор, одетая так, как сейчас. Оценщик Вкусов посоветуется со своими экспертами по трендам, всплеснет руками и закатит припадок с визгом. Но запомни: сейчас я одета так, как примерно через месяц-полтора будут одеты все.

– И тебе такое нравится?

– Больше, чем натянуть костюм для гостя на шоу «Кто крут, а кто дерьмо?». В моем варианте дизайнеры смотрят на меня, а не наоборот. – Она рассмеялась и толкнула его локтем. – Помнишь пижамы с висячими задницами примерно полтора года назад? Это была моя работа. Мне захотелось проверить, насколько далеко они зайдут. Скушали и не подавились. Как, по-твоему, разве это не было смешно?

Купер вспомнил, что они были смешными, когда только появились. Но затем каким-то образом стали выглядеть сексуально. Вскоре девушка уже выглядела старомодной без прямоугольника фланели, хлопающего ее сзади по бедрам. Позднее произошло другое изменение, в тот день, когда он понял, что эти наряды стали старомодными.

– Помнишь хвостовые плавники на обуви? Это тоже придумала я.

* * *

Как-то вечером она познакомила его со своей коллекцией старинных записей.

После ее постоянных атак на телевидение он оказался не готов к той нежности и искренней любви к этим похороненным древностям.

– Телевидение – это мать, пожирающая своих детей, – сказала она, перебирая в шкапушке кассеты размером с ноготь большого пальца. – Телешоу устаревает примерно через две секунды после того, как погаснут пиксели на экране. После одного повтора оно умирает, но не попадает на небеса.

Она вернулась к дивану и высыпала отобранные кассеты на столик возле старинного видеопроектора.

– Моя коллекция собрана кое-как, – сказала она. – Но она одна из лучших из всех существующих. В самые ранние годы шоу даже не сохраняли. Кое-что записали на видео, большую часть этих записей потеряли, а почти все сохранившиеся стерли после нескольких лет в хранилище. Это показывает, как они оценивали собственную продукцию. Вот, взгляни-ка на это.

В том, что она ему показала, отсутствовал не только объем, но и цвет. У него ушло несколько минут на то, чтобы воспринимать изображение на экране, настолько оно оказалось для него непривычным. Оно мерцало, дергалось, демонстрируя все оттенки серого, а звук был какой-то жестяной. Но через десять минут увиденное его загипнотизировало.

– Это называется «Фарэуэй-Хилл»⁸, – сказала она. – Первая телевизионная мыльная опера. Выходила по средам в девять вечера по телесети «Дюмон» и шла двенадцать недель. Это, насколько мне известно, единственный уцелевший эпизод, обнаруженный лишь в 1990 году.

Она отправила его в прошлое, превратив маленький стеклянный экран в машину времени. Они посмотрели по кусочку «Шоу Эда Салливана», «Семья мужчины», «Моя подруга Ирма», «Декабрьская невеста», «Пит и Глэдис», «Станция «Юбочки», «Четвертый шар», «Ханки и Дора», «Кункович» «Коджак» и «Кунц». Она показала ему удивительно изобретательные игровые шоу, сериалы, которые захватывали его после первого же эпизода, и приключения, настолько цивилизованные и сдержанные, что он едва мог поверить, что их показывали по телевидению. Потом она перешла к «золотому веку» ситкомов, показав «Остров Гиллигана» и «Семейное дело»⁹.

– Вот с чем я не могу свыкнуться, – сказал он, – так это с тем, насколько они хороши. Намного лучше того, что мы смотрим сейчас. И всего этого они добились без секса и практически без насилия.

– И без обнаженки, – добавила она. – В телесетях не было фронтальной наготы вплоть до «Кунц». В следующем сезоне она, естественно, появилась в *каждом* шоу. А настоящие сношения показали намного позже, в «Поцелуй мою задницу».

Она отвернулась, но Купер все же успел заметить намек на печаль в ее глазах. И спросил, из-за чего.

– Не знаю, Кью-Эм. В смысле... не знаю точно. Отчасти потому, что почти все эти шоу были раскритикованы после выхода. И я показала тебе несколько провалов, но большинство из них стали настоящими хитами. И я не могу *понять разницу*. Все они смотрятся хорошо. То есть ни в одном из них нет людей, которых ты ожидаешь встретить в реальной жизни, но все

⁸ «Фарэуэй-Хилл» (англ. *Faraway Hill*) – первая в истории телевидения мыльная опера, которая транслировалась на DuMont Television Network со 2 октября 1946 года по 18 декабря 1946 года. Снималась в прямом эфире. Каких-либо кадров сериала не сохранилось, так как запись на пленку появилась лишь в 1947 году.

⁹ Популярные телесериалы и шоу-программы 1950–1980-х годов.

это узнаваемые люди, и ведут они себя более-менее как люди. Ты переживаешь за персонажей в драмах, а комедии остроумны.

– Тогда эти критики просто засунули головы себе в задницы.

Она вздохнула.

– Нет. Я боюсь того, что причина в нас. Если ты вырос, питаешься дерьмом, то и гнилой соевый эрзац будет замечателен на вкус. Я действительно думаю, что именно это и произошло. Можно создать моральный эквивалент той анатомической невозможности, которую ты только что упомянул. Я это знаю, потому что я одна из тех ловкачей, которые такое проделывают. И пугает меня то, что я все это время обманывала себя, что я *застрjala* в этой позе. И что никто из нас уже не сможет разогнуть спину.

* * *

У нее были и другие записи.

Она продемонстрировала их лишь на второй неделе их совместной жизни, и довольно застенчиво, как ему показалось. Ее мать была фанатом домашнего видео, и запечатлела жизнь Меган в мельчайших деталях.

Купер увидел картину жизни верхнего среднего класса, не очень отличающуюся в целом от антуража того верхнего среднего класса, в котором вырос он сам. Семья Купера никогда не имела финансовых проблем. Гэллоуэй не были сказочно богатыми, хотя их доходы раз в двадцать превышали доходы Куперов. Дом, появившийся на заднем фоне, был намного больше того, в котором вырос Купер. Там, где его семья ездила на велосипедах, ее семья ездила на частных автомобилях. На ранних записях мелькала женщина, которую Меган назвала своей няней. Никаких других слуг Купер не увидел. Но единственное, что его реально впечатлило, были кадры того, как Меган получает пони на десятый день рождения. Вот это был класс!

Маленькая Меган Гэллоуэй, до протеза, оказалась не по годам развитой, возможно, немного избалованной. Было легко увидеть, откуда взялась как минимум часть ее самообладания перед камерами – ее мать успевала повсюду, нацеливаясь видеокамерой на каждый кусочек жизни дочурки. Ее жизнь была «киноправдой»¹⁰, в которой Меган или полностью игнорировала камеру, или искусно ей подыгрывала – смотря что диктовало ей настроение. Купер увидел сцены, как она свободно читает на трех языках в возрасте семи лет, или как что-то наигранно изображает в любительских спектаклях на заднем дворе.

– Ты уверен, что хочешь смотреть еще? – спросила она в третий или четвертый раз.

– Поверь, я восхищен. Забыл спросить, где все это снималось? В Калифорнии?

– Я выросла в Ла Баррио Церкада, вейнтиуно¹¹. Это один из суверенных анклавов, которые конгломы вырезали из Мексики для богатых семейств. Двойное гражданство США и GWA. За все время, что я там жила, я ни разу не видела настоящего мексиканца. Просто подумала, что надо тебя спросить. Домашние видео могут быть смертельно скучными.

– Только если не интересен их объект. Покажи еще.

Где-то во время следующего часа просмотра контроль над камерой был отобран у матери Меган и перешел в основном к самой Меган и ее друзьям. Они были столь же одержимы съемками, как и ее мать, зато менее сдержаны в тематике. Дети использовали видеокамеры так, как их использовал буквально каждый владелец со времен изобретения устройства: они снимали порнуху. То, чем они занимались, можно описать скорее как грубые развлечения, чем секс,

¹⁰ «Киноправда» (фр. *Cinema verite*) – метод съемки документальных и художественно-документальных фильмов, не скопированных сценарными рамками.

¹¹ Примерный перевод с испанского – «огороженный квартал, двадцать один».

и они, как правило, останавливались на грани реального секса, во всяком случае, пока шла запись.

– Господи, – вздохнула Меган и закатила глаза. – Наверное, у меня миллион километров такой детской порнухи. Можно подумать, что мы ее изобрели.

Купер заметил, что Меган и ее приятели обнажались гораздо больше, чем он и его друзья. Ученики в его школе раздевались на пляже, для участия в соревнованиях и чтобы отметить особые дни вроде весеннего равноденствия или последнего дня в школе. Друзья Меган, похоже, не одевались совсем. Почти все они были белыми, но ходили загорелые, как кофейные зерна.

– Это так, – подтвердила она. – Я никогда не носила *ничего*, кроме кроссовок.

– Даже в школу?

– Они не считали, что могут диктовать нам подобные правила.

Купер увидел ее развитие в женщину в последовательности фрагментов, смикшированных наплывом, начиная с десяти лет – наподобие тех магических кадров распускающихся цветков.

– Я назвала это «Половое созревание 2073 года», – сказала она с самоуничижительным смешком. – Смонтировала несколько лет назад, от нечего делать.

Он уже успел оценить умелую руку, собравшую эти фрагменты воедино – в нечто целостное, но не искусственно прилизанное. Художественные приемы, освоенные ею за долгие годы в бизнесе, позволили создать расширенный материал, который очаровал Купера намного дольше, чем смогли бы составляющие его части, увиденные в исходном их состоянии. Он вспомнил обвинения Анны-Луизы и задумался о том, что бы она подумала, если бы увидела его сейчас, полностью погруженного в чью-то жизнь.

На экране появилась написанная от руки карточка с названием: «Сломанный цветок: акт любви. В ролях Меган Аллегра Гэллоуэй и Реджинальд Патрик Томас». То, что он увидел далее, совершенно не походило на плавный поток предыдущих фильмов. Монтаж дерганный. Иногда камера оставалась неподвижной, микширования не было. Он знал, что этот фильм был оставлен нетронутым с того дня, когда девушка смонтировала его много лет назад. Замедленная съемка показывала, как подростки бегут по пляжу, а за ними безмолвно бьют о берег огромные волны. Потом они шли по тропинке, держась за руки и останавливаясь, чтобы поцеловаться. Фоновая музыка становилась громче. Они сидели на бесконечном поле желтых цветов. Они смеялись и нежно ласкали друг друга. Парень осыпал Меган дождем лепестков.

Они пробежали через лес, нашли водопад с глубокой заводью. Обнялись под водопадом. Поцелуи набирали страстность, и они забрались на плоскую скалу, где – случайно – оказались надувные матрасы. («Когда мы репетировали, – пояснила Меган, – та чертова скала на ощупь была не настолько романтической, насколько смотрелась».) И – акт совершился. Эпизод был смонтирован из кадров, снятых тремя камерами, на некоторых кадрах Купер заметил ножки одного из штативов. Потом утомленные любовники лежали в обнимку, а вдалеке виднелся океанский прибой. Затемнение.

Гэллоуэй выключила проигрыватель. Некоторое время она сидела, уставившись на сложенные руки.

– Это был мой первый раз, – сказала она.

Купер нахмурился.

– Я был уверен, что видел...

– Нет. Не со мной. С другими девчонками – да. И ты видел, как я делаю много всего прочего. Но это я «берегла». Начиталась старых романов. Мой первый раз должен был состояться с тем, кого я любила. Знаю, что это глупо.

– И ты его любила?

– Безнадёжно. – Она вытерла глаза и вздохнула. – Он хотел в конце вытащить и кончить мне на живот, потому что именно так всегда делали в телевизоре. Мне пришлось часами с ним

спорить и отговаривать. Он был просто идиот. – Она на секунду задумалась. – Мы оба были идиотами. Он считал, что реальная жизнь должна имитировать телевидение, и я считала, что ничто не реально, пока это не покажут по телевизору. Так что мне пришлось все заснять, чтобы ничего не забылось. Наверное, я до сих пор так поступаю.

– Но ты знаешь, что это неправда. Ты этим зарабатываешь.

Она холодно взглянула на него.

– И это делает мою работу лучше?

Когда он не ответил, она надолго замолчала, снова разглядывая руки. А когда заговорила, не подняла взгляд.

– Есть и другие записи.

Он понял, что она имела в виду и что эти фильмы уже не будут развлечением, но не сомневался, что должен их посмотреть. И попросил ее продолжить.

– Это снимала мама.

Фильм начался с долгой съемки серебристого дельтоплана. Купер услышал, как мать Меган кричит дочери, чтобы та была осторожна. В ответ дельтаплан круто взмыл вверх, почти замер, потом совершил круг на высоте около двадцати метров. Камера следовала за его полетом. Меган махала и улыбалась. И тут наступил момент хаоса – кадры земли, небо, размытый силуэт дельтоплана, приближающегося к дереву... потом картинка стала ровной.

– Не знаю, о чем она в тот момент думала, – негромко проговорила Меган. – Но отреагировала она как истинный профессионал. Наверное, это был рефлекс.

Чем бы это ни было, но камера, направляемая твердой рукой, показала, как дельтаплан сворачивает вправо, цепляется за дерево и переворачивается. Он рухнул сквозь нижние ветки и уткнулся в землю. Изображение задергалось – мать Меган побежала. На миг показалась Меган, висящая на ремнях. Голова у нее была вывернута под жутким углом. Затем экран разделился между небом и землей – отброшенная камера продолжала снимать.

После этого изложение событий стало намного менее всесторонним. Семья наконец-то избавилась от привычки запечатлевать все подряд. Купер увидел несколько торопливо снятых кадров кровати с лицом – Меган настолько закутали, пристегнули и обернули, что видно было только лицо, – потом врачи, двери операционных и унылые больничные коридоры. И внезапно девушка с глазами древней старухи уже сидит в инвалидном кресле и с трудом ест ложкой, привязанной к кулаку.

– Тут я немного восстановилась, – пояснила Меган. – И сказала, чтобы меня опять начали снимать. Я планировала сопоставить эти записи с теми, которые будут сделаны через год, когда я снова начну ходить.

– Тебе сказали, что ты будешь ходить?

– Сказали, что я *не* буду ходить. Но каждый думает, что он исключение. Врачи говорят, что некоторые функции восстановятся. Черт побери, так если можно восстановить некоторые, то можно восстановить и все, верно? Ты начинаешь верить в превосходство разума над материей и что бог улыбнется только тебе. Да, кстати, есть и кое-какие транс-записи того времени.

Купер не сразу понял смысл этой небрежно произнесенной фразы. А когда понял, то уже знал, что она ее не повторит. Это было приглашение, которое она никогда не сделает более откровенно, чем только что.

– Я бы хотел их включить, если ты не против.

Он надеялся, что произнес это столь же небрежно, как произнесла свою фразу она, но не был уверен, что у него получилось. Когда она посмотрела на него, взгляд у нее был оценивающий.

– Если я стану возражать, это будет дурным тоном, – сказала она, помолчав. – Очевидно, я очень хочу, чтобы ты попробовал. Но не уверена, что ты сможешь такое перенести. Должна предупредить, что они...

– ...не очень приятны? Черт, Меган, не оскорбляй меня.

– Хорошо.

Она встала, подошла к шкафу и достала очень маленький и очень дорогой трансер-блок и шлем. Помогая Куперу его надевать, она не смотрела ему в глаза, а нервно бормотала о том, как люди из «Фили корпорейшн» однажды заявили в больницу, вооруженные компьютерными распечатками, согласно которым у нее имеется великолепная возможность заключить с компанией контракт. В первый раз она отказалась, но к такому они привыкли. В то время трансинг был очень небольшой индустрией. Они находились на грани прорыва, который вскоре откроет массовый рынок, но тогда ни корпорация, ни Меган этого не знали. Когда она в конце концов согласилась сделать для них несколько записей, то причиной отнюдь не была вера в то, что это сделает ее звездой. Реально же ей хотелось одолеть нарастающий страх того, что она очень немного сможет сделать со своей жизнью. А они предложили ей возможность работы – то, о чем она никогда не задумывалась, когда была богатой и здоровой. И внезапно любая работа стала хороша.

– Я включу для тебя малую интенсивность, – сказала она. – Полагаю, у тебя нет сопротивления к трансингу, поэтому нет необходимости в усилении. Этот материал фрагментированный. В некоторых местах есть треки с трансингом, в других нет, так что ты...

– Будь любезна, начинай, пожалуйста.

Она включила аппарат.

На экране появилась Меган в терапевтическом бассейне. Рядом стояли две медсестры, поддерживая ее и распрямляя тонкие конечности. Далее последовали другие сцены физиотерапии. Купер стал гадать, когда начнется трансинг. Он должен начаться со сменой перспективы, словно он (*экран телевизора расширился, он прошел сквозь стекло и в мир за ним*) на самом деле *вошел*...

– Ты в порядке?

Купер сидел, закрыв лицо руками. Он поднял взгляд и покачал головой, понял, что она может неправильно воспринять этот жест, и кивнул.

– Голова немного закружилась. Но сразу прошло.

– Можем подождать. Посмотреть в другое время.

– Нет. Включай.

Он сидел в инвалидном кресле, одетый в тонкое кружевное платье, закрывающее тело от шеи до кончиков пальцев ног. Пальцы уже начали выглядеть иначе. В них больше не было тонуса. Но еще важнее – он их больше не ощущал.

Ощущений вообще было очень мало. Имелась серая зона чуть выше груди, где все ощущения начинали затухать. Он был сознанием, зависшим над креслом, с прикрепленным к нему телом.

Все это он создавал, но не думал об этом. Все это давно стало привычным. Жуткая новизна давно ушла.

За окном наступила весна. (Где он? Точно не в Мексике, но точное местонахождение было непонятно. Впрочем, неважно.) На дерево возле окна забиралась белка. Наверное, хорошо быть белкой.

Очень скоро к нему кто-то придет. Осталось всего несколько часов. Ему было приятно это осознавать. Он этого ждал. Сегодня событий было немного. Терапия (плечи до сих пор после нее болели) и сеанс тренировки (даже не думая о нем, он заставил огромные и бесчувственные рукавицы, некогда бывшие его руками, с силой сомкнуться – это означало, что он приложил усилие, почти достаточное, чтобы удержат лист бумаги между большим и остальными пальцами). Очень скоро будет ланч. Интересно, что ему принесут?

А, да. В начале дня были и неприятные события. Он истерически вопил, пришел врач с иглой. Причина истерики так никуда и не делась. И печали в нем было достаточно, чтобы

в ней утонуть, но он ее не ощущал. Зато чувствовал солнечное тепло на руке и был за это благодарен. Ему было очень хорошо. Интересно, что будет на ланч?

– Ты все еще в порядке?

– Нормально.

Купер потерял глаза. От этого перехода у него всегда кружилась голова. Такое чувство, будто туго натянутая резинка лопнула, и его вышвырнуло из аппарата обратно в голову и тело. Он потерял руки – по ощущениям они как будто заснули. На экране Меган все еще сидела в инвалидном кресле, глядя в окно с отсутствующим взглядом. Сцена изменилась.

Он сидел, пытаясь сохранить полную неподвижность, чтобы не потревожить швы на затылке, но это усилие стоило легкой боли. На столе перед ним крохотный металлический жук дрогнул, дернулся вперед и остановился. Он сосредоточился, приказывая жуку повернуть направо. Подумал, как бы он повернул направо, управляя машиной. Нога на акселераторе, руки на руле. Мышцы плеч удерживают руки поднятыми, пальцы сжаты, большие пальцы... что он делал большими пальцами? Но потом он обрел их, ощутил мышцы рук, начинающие поворачивать руль. Нажал ногой на тормоз, пытаясь ощутить кончиками пальцев ног внутреннюю поверхность обуви, когда нога поднялась, и ровное давление на подошву, когда он нажал на педаль. Снял правую руку с руля, когда левая начала его поворачивать...

Металлический жук на столе зажуужжал, поворачивая направо. Зааплодировали стоящие вокруг люди, чье присутствие он лишь смутно осознавал. Струйка пота потекла по шее, когда он направил жука налево, потом опять направо. Но перестарался. Жук доехал до края стола и, несмотря на все его усилия, так и не смог поехать прямо. Кто-то из врачей подхватил его и поставил в центре стола.

– Хочешь отдохнуть, Меган?

– Нет, – ответил он, не позволяя себе расслабиться. – Дайте попробовать еще.

За его спиной вся стена вспыхнула и замигала – произошла перегрузка компьютера, когда тот сортировал мешанину нервных импульсов, собирающихся на обрубке спинного мозга, транслировал информацию и передавал ее на сервоприводы дистанционно управляемого устройства. Он тронул жука с места, потом остановил, не дав доехать до края стола. Для него все еще оставалось тайной, как именно ему такое удастся, но он чувствовал, что начинает овладевать этим умением. Каким-то образом это лучше всего срабатывало, если ему удавалось заставить себя думать, что он все еще может ходить, а потом просто идти. Иначе жук, которого не удалось обмануть, так и оставался на месте. Жук знал, что он никогда не сможет...

Накрытое белой простыней тело везут по коридору на каталке к дверям операционной. Внутри, с галереи, он видит, как тело перемещают на стол. Лампы светят очень ярко, и он моргает. Но тут его переворачивают лицом вниз, и становится намного лучше. Что-то прохладное касается затылка...

– Тысяча извинений, сэр, – сказала Меган, быстро проматывая запись вперед. – Ты еще не готов к такому. И я к такому не готова.

Он не совсем понимал, о чем она говорит. Он знал, что ему нужна операция. Она должна была усовершенствовать нейронные интерфейсы, что позволит легче управлять новыми дистанционными устройствами, которые еще разрабатывались. Было так здорово принимать участие на самых ранних стадиях...

– О, верно. Я...

– Кью-Эм Купер, – сказала она и с сомнением заглянула ему в глаза. – Ты уверен, что не лучше было бы подождать?

– Уверен. Покажи еще.

По ночам было хуже всего. Не каждую ночь, но когда становилось плохо, то было очень плохо. В течение дня было принятие, или некая прочная броня, сдерживающая реальное отча-

яние. Он мог быть счастлив несколько дней подряд, мог принять случившееся, знал, что должен бороться, но эта борьба имеет смысл. Большую часть жизни он знал, что произошедшее – не конец света, что он может вести полноценную, счастливую жизнь. Есть люди, которые о нем заботятся. Худшие страхи не осуществились. Удовольствие все еще возможно, счастья можно добиться. Даже сексуальные удовольствия не исчезли. Они были другими и иногда неуклюжими, но он не возражал.

Но в ночном одиночестве все это могло разбиться вдребезги. Темнота срывала его защиту, и он становился беспомощным, физически и эмоционально.

Он не мог пошевелиться. Ноги были мертвым мясом. Он был отталкивающим, отвергательным, гниющим заживо, омерзительным предметом, который никто и никогда не сможет полюбить. Катетер выскочил, простыни намокли от мочи. Ему было слишком стыдно, чтобы вызвать медсестру.

Он молча зарыдал. А когда рыдания смолкли, он стал хладнокровно планировать лучший способ покончить с такой жизнью.

Она удерживала Купера, пока того не перестало трясти. Он плакал, как ребенок, не понимающий, что такое боль, и как дряхлый старик. И дольше всего не мог заставить себя открыть глаза. Он ничего не хотел видеть.

– Я... я должен увидеть следующую часть? – спросил он с легкой истерикой в голосе.

Она покрыла его лицо поцелуями, обнимала, безмолвно заверяя, что все будет хорошо. Он принимал это с благодарностью.

– Нет. Ты не должен ничего смотреть. Даже не знаю, почему показала тебе так много, но эту часть я не могу показать, даже если бы захотела, потому что я ее уничтожила. Она слишком опасна. Сейчас я склонна к суициду не больше, чем любой человек, но трансинг той следующей части обнажил бы меня полностью и мог бы свести с ума. Или любого, кто ее посмотрел бы. Знаешь, самые сильные из нас очень ранимы. У нас под самой поверхностью таится столько первобытного отчаяния, что ты не осмелишься с этим шутить.

– И насколько близко ты подошла?

– Изобразила, – легко ответила она. – Две попытки, обе обнаружены с большим запасом времени на спасение.

Она снова поцеловала его, заглянула в глаза и робко улыбнулась. Похоже, увиденное ее удовлетворило, потому что она похлопала его по щеке и протянула руку к трансеру.

– Еще один небольшой фильм, и на сегодня хватит, – сказала она. – Это счастливая запись. Думаю, она пойдет нам на пользу.

* * *

На девушке был протез. До Золотой Цыганки этой машине было не меньше, чем самолету братьев Райт до сверхзвукового истребителя. Меган почти не было видно. Повсюду торчали хромированные каркасы, шипели гидравлические цилиндры. Там, где эту конструкцию собирали, виднелись сварные швы. Когда Меган передвигалась, аппарат завывал, как больная собака. Но все же она передвигалась самостоятельно, с трудом передвигая ноги и сосредоточенно прикусывая язык, когда тщательно обдумывала следующий шаг. Быстрый переход к...

...модели следующего года. Аппарат все еще был громоздким, выпирал из-под одежды, был гидравлическим и строго ортопедическим. Но она перемещалась хорошо. Была в состоянии ходить естественно, со лба исчезли морщины от постоянной сосредоточенности. И у этого имелись руки – тяжелые металлические перчатки, но она уже могла пошевелить каждым пальцем в отдельности. Когда Меган улыбнулась в камеру, то в улыбке было больше искренней теплоты, чем Купер увидел у Меган со дня несчастного случая.

– Это новая, третья модель, – произнес голос за кадром, и Купер увидел бегущую Меган. Она высоко поднимала ноги, подпрыгивала. И при этом новая модель была реально объемистее предыдущей. На спине виднелся огромный горб, содержащий компьютеры, которые прежде располагались снаружи от аппарата. Это был первый автономный протез. Никто не назвал бы его красивым, но Купер мог представить, какое ощущение свободы этот протез наверняка дает Меган, и удивился, почему она не включает транс-дорожку. Он начал отводить взгляд от экрана, *но сейчас было не время беспокоиться о подобных вещах. Он был свободен!*

Он держал руки перед лицом, поворачивая их, глядя на элегантные кожаные перчатки, которые придется носить всегда, что его не волновало, потому что перчатки были намного лучше прежних бронированных кулаков или неуклюжих крюков. Это был первый день в его новом протезе, и он оказался великолепен. Он бегал, кричал, подпрыгивал и резвился, и все смеялись вместе с ним и аплодировали каждому его движению. Он был могуч! Он собирался изменить мир. Ничто не могло его остановить. Настанет день, и все узнают имя Ме (Кью-Эм) ган Гэлло (Купер) уэй. Во всем мире не было ничего, что оказалось бы ему не по силам. Он будет...

– Ой! – Шокированный, он шлепнул ладонями по лицу. – О, ты его выключила!

– Что-то вроде прерванного сношения, да? – самодовольно произнесла она.

– Но я хочу еще!

– И это станет ошибкой. Если слишком глубоко погружаться в чью-то радость или печаль, то добром это не кончится. Кстати, откуда ты знаешь, что и дальше будет так же хорошо?

– А как может быть иначе? Сейчас у тебя есть все, ты...

Он смолк и посмотрел ей в лицо. Она улыбалась. В грядущие дни он не раз будет возвращаться к этому моменту, отыскивая признаки насмешки, но никогда их не найдет. Стены исчезли. Она показала ему все, что он мог о ней узнать, и он понимал, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Выражение ее лица изменилось настолько незначительно, что он мог пропустить эту перемену, если бы не был так тонко настроен на ее эмоции. Ее нижняя губа дрогнула, глаза обвела печаль. Она порывисто вздохнула.

– Это так внезапно. Может, тебе следовало подождать, пока ты не придешь в себя после...

– Нет. – Он взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть на него. – Нет. Я могу выразить это словами только сейчас, в этот безумный момент. И мне нелегко было такое сказать.

– Ну, надо же, – монотонно проговорила она.

– Так в чем дело? – Когда она не ответила, он слегка встряхнул ладонями ее голову. – Ты меня не любишь, в этом причина? Если да, то лучше скажи это сейчас.

– Дело не в этом. Я люблю тебя. Ты ведь никогда прежде не любил?

– Нет. И гадал, узнаю ли я когда-нибудь, что это за чувство. Теперь знаю.

– Ты и половины не знаешь. Иногда почти желаешь, чтобы это чувство было более рациональным, чтобы оно не било тебя тогда, когда ты меньше всего в состоянии с ним совладать.

– Полагаю, тут мы по-настоящему беспомощны?

– Это ты сказал.

Она опять вздохнула, потом встала и взяла его за руку. Потянула его к кровати.

– Вперед. Ты должен научиться заниматься любовью.

* * *

Он опасался, что это будет чем-то необычным. И ошибся. Он много размышлял на эту тему за последние недели, но так и не пришел к каким-либо выводам. Что бы она сделала?

Если она лишена чувствительности ниже ключицы, то как может любая сексуальная активность иметь для нее значение?

Один ответ представлялся очевидным. У нее сохранилась чувствительность в плечах, шее, лице, губах и ушах. Она все еще способна к эрекции. Ощущения от гениталий не достигают мозга, но нервы от клитора до спинного мозга не повреждены. Тут происходили сложные процессы, которые она никогда не объясняла подробно, в том числе вторичные и третичные соматические эффекты, гормоны, перемещение возбуждения, автономная и сердечно-сосудистая система тела.

– Отчасти это естественная адаптация, – пояснила она, – и кое-что было дополнено хирургией и микропроцессорами. Люди с параличом конечностей могли проделывать такое и до появления современной нейрохирургии, но не так легко, как могу я. Это как у слепого, который компенсирует потерю зрения обострением слуха и осязания. Те области моего тела, где сохранились ощущения, теперь более чувствительны. Я знаю женщину, которая может получить оргазм от стимуляции локтя. У меня локти не столь хороши.

– Если врачи могут так много, то почему они не в состоянии соединить нервы в том месте, где разорван спинной мозг? Раз они могут создать машину, которая считывает посылаемые мозгом сигналы, то почему не могут сделать устройство, посылающее новые сигналы в остальную часть тела, а также принимать сигналы, идущие из нижней части тела и посылать их...

– Это другая проблема. Над ней работают. Может, лет через пятнадцать или двадцать.

* * *

– Здесь?

– Активнее вокруг этого места. Вокруг всей шеи, от уха до уха... вот так. Продолжай. И почему бы тебе не занять чем-нибудь руки?

– Но ты же этого не ощущаешь. Или можешь?

– Не напрямую. Но кое-что приятное происходит. Просто взгляни.

– Ага.

– Тогда не волнуйся на этот счет. Просто продолжай это делать.

* * *

– А как насчет такого?

– Не особенно.

– А так?

– Уже теплее.

* * *

– Но я думал, что ты...

– Почему бы тебе не думать поменьше? Давай, вставляй. Хочу, чтобы и тебе было хорошо. И не думай, что это мне ничего не дает.

– Как скажешь. Господи, это ощущение... эй, как ты это сделала?

– Ты задаешь много вопросов.

– Да, но ты не можешь напрягать там любые мышцы.

– Простой вариант имплантов, которые не дают мне загадить себя. Послушай, Кью-Эм, честно. Тебе не кажется, что время для вопросов прошло?

– Думаю, ты права.

* * *

– Хочешь увидеть кое-что забавное? – спросила она.

Они лежали, обнявшись, и смотрели, как из нелепых стоек балдахина извергается дым. Меган включила генераторы голограмм, и в ее спальне возникла иллюзия мира из книг Марка Твена. Они плыли по Миссисипи. Кровать плавно покачивало. Купер ощущал себя неприлично расслабленным.

– Конечно.

– Обещаешь, что не будешь смеяться?

– Не буду, если только не станет смешно.

Она перекатилась, улеглась лицом вниз и расправила руки и ноги. Протез выпустил ее, встал, нашел пульт управления голопроектором и выключил реку. Поставил колено на кровать, осторожно перевернул Меган на спину, уложил одну ее ногу поверх второй, потом сел рядом на край кровати и скрестил свои ноги, лениво ими покачивая. К тому моменту Купер уже хохотал, чего Меган и добивалась. Протез сел рядом с ней и наделся на ее левое предплечье и руку, закурил, вставил сигарету ей в рот и выпустил руку. Пересек комнату, подошел к стулу и уселся.

Купер вздрогнул, ощутив прикосновение. Обернувшись, он увидел на своем локте худую ладонь, неспособную сжать пальцы, ладонь, у которой хватало сил лишь на легкий толчок.

– Убери ее, – попросила она, наклонив к нему голову.

Купер осторожно вынул сигарету из ее губ, подставив ладонь под столбик пепла. Когда он повернулся к Меган, то встретил ее настороженный взгляд.

– Это тоже я, – проговорила она.

– Знаю. – Он нахмурился и попытался приблизиться к правде – ради себя и ради нее. – Я мало об этом думал. Когда ты такая, то выглядишь очень беспомощной.

– Я очень беспомощная.

– Почему ты это делаешь?

– Потому что никто не видит меня такой, кроме врачей. Хотела узнать, есть ли для тебя какая-нибудь разница.

– Нет. Никакой разницы. Я уже видел тебя такой. И даже удивился, что ты спросила.

– Не надо удивляться. Я ненавижу себя такую. Я себе отвратительна. И ожидаю, что все будут реагировать так же.

– И ошибаешься. – Он обнял ее, потом отодвинулся и взгляделся в ее лицо. – Ты... не хотела бы снова заняться любовью? В смысле, не прямо сейчас, а чуть позднее. В таком виде.

– Господи, нет. Но спасибо за предложение.

Оказавшись снова внутри протеза, она коснулась лица Купера унизанной кольцами рукой. На ее лице читалась странная смесь удовлетворения и неуверенности.

– Ты продолжаешь проходить испытания, Купер. С той же скоростью, с какой я их подбрасываю. И теперь я гадаю, что мне с тобой делать.

– А будут и другие испытания?

Она покачала головой.

– Нет. Не для тебя.

* * *

– Ты опоздаешь на работу, – сказала Анна-Луиза, когда Купер взял один из ее чемоданов и вышел следом за ней из зала ожидания космопорта.

– А мне плевать.

Анна-Луиза как-то странно на него взглянула. Она знала, почему. Когда они жили вместе, ему всегда не терпелось поскорее начать смену. Теперь он стал ненавидеть работу. Потому что на работе он не мог быть с Меган.

– Тебе в самом деле настолько плохо? – спросила она.

Купер улыбнулся в ответ.

– Конечно. Я расстался с ней впервые за несколько недель. Надеюсь, ты не сердишься?

– Я? Нет. Я польщена, что ты пришел меня проводить. Ты... месяц назад тебе такое и в голову бы не пришло. Извини.

– Ты права. – Он поставил чемодан рядом с вещами, которые принесла она. Носильщик отнес их через шлюз в челнок. Купер прислонился к табло с надписью «Новый Дрезден, Клавий, Тихо подземный». – Я не знал, станешь ли ты злиться, но подумал, что должен быть здесь¹².

Анна-Луиза суховаато улыбнулась.

– Что ж, она точно тебя изменила. И я рада за тебя. И пусть я до сих пор считаю, что она причинит тебе боль, ты из этого что-то да вынесешь. Ты ожил с тех пор, как я видела тебя в последний раз.

– Я хотел спросить тебя об этом, – медленно произнес он. – Почему ты думаешь, что она причинит мне боль?

Анна-Луиза помедлила с ответом, поправляя брюки и неуклюже шаркая туфлями по палубе.

– Ты уже не любишь работу так, как прежде. Я права?

– Ну... да. Пожалуй, так. В основном из-за того, что мне нравится проводить больше времени с ней.

Она взглянула на него, склонив голову набок.

– Почему бы тебе не уволиться?

– Что... то есть...

– Просто уволиться. Она даже не заметит тех денег, что потратит на тебя.

Купер улыбнулся в ответ.

– Ты попала не на того парня, Анна-Луиза. У меня нет никаких возражений против того, что меня будет содержать женщина. Ты и в самом деле полагала, что я настолько старомодный?

Она покачала головой.

– Но ты думаешь, что деньги станут проблемой.

Она кивнула.

– Не тот факт, что они у нее есть. А тот факт, что у тебя их нет.

– Да брось. Ее не волнует, что я не богат.

Анна-Луиза долго смотрела на него, потом улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она и поцеловала его.

А потом торопливо вошла в челнок, помахав ему через плечо.

* * *

Меган каждый день получала целый мешок почты. И это была лишь верхушка айсберга. Нанятая на Земле команда просеивала всю корреспонденцию, отвечала на фанатскую почту стандартными письмами, отвергала предложения выступить и отбивалась от паразитов. Остаток пересылался Меган и делился на три категории. Первая, и самая многочисленная, включала те из непрошенных писем, одно из тысячи которых после сортировки, возможно, имело шанс привлечь ее внимание. Некоторые она прочитывала, большую часть выбрасывала, даже не вскрывая.

¹² Клавий и Тихо – названия лунных кратеров.

Последние две категории она всегда читала. Одну составляли предложения работы, а вторую – материалы от научных учреждений на Земле, проводящих исследования нервной системы. Последние часто сопровождалась просьбой о финансировании. Обычно она посылала чек.

Поначалу она пыталась держать его в курсе новых достижений, но вскоре поняла, что у него никогда не будет ее постоянного и личного интереса к успехам неврологии. Она была глубоко вовлечена в то, что называется передовыми исследованиями. Не было такого открытия, величайшего или тривиального, сведения о котором не попадали бы к ней на стол на следующий же день. Случались и странные побочные эффекты: шиза-пыль, с которой Купер познакомился во время их первой встречи, была прислана из лаборатории, которая случайно на нее наткнулась и не знала, что с ней делать.

Ее компьютер был забит информацией о нейрохирургии. Она могла отыскать в нем прогнозы того, когда могут быть достигнуты определенные важные вехи, от мелких улучшений до полной регенерации нейронной сети. Большинство тех, что видел Купер, выглядели неутешительно. Работы плохо финансировались. Большая часть денег на медицинские исследования уходила на изучение лучевой болезни.

Чтение почты по утрам было далеко не лучшим моментом дня. Новости редко оказывались хорошими. Но Купер оказался не готов к мрачной депрессии Меган одним утром через две недели после отлета Анны-Луизы.

– Кто-то умер? – спросил он, садясь за стол и потянувшись к кофе.

– Я. Или же в процессе.

Когда она подняла взгляд и увидела его лицо, то покачала головой.

– Нет, это не медицинские новости. Ничего настолько очевидного. – Она подтолкнула к нему через стол лист бумаги. – Это из «Allgemein Fernsehen Gesellschaft». Они заплатят любую цену... если я буду делать, по сути, то же, что все это время делала для «Фили корпорейшн». И они сожалеют, что совет директоров не позволит компании заключить любое соглашение, при котором AFG не будет иметь полный творческий контроль над продуктом.

– Какое это теперь по счету?

– Из тех, что ты видел? Семнадцатое. И еще гораздо больше не прошло этап предварительного обсуждения.

– Значит, независимое производство будет не таким легким, как ты думала.

– А я никогда не говорила, что это будет легко.

– Почему бы не воспользоваться своими деньгами? Зарегистрировать свою компанию?

– Мы рассматривали этот вариант, но все ответы плохие. Война между GWA и «Ройял датч шелл» делает налоговую ситуацию... – Она взглянула на него и быстро сменила тему. – Это трудно объяснить.

Это был эвфемизм для «тебе не понять». Купер не возражал. Она уже пыталась объяснить ему свои деловые операции, но в результате оба лишь пришли в отчаяние. Ему такое было не дано.

– Ладно. А чем ты занимаешься сейчас?

– Ну, пока кризиса нет. Мои инвестиции работают нормально. Есть некоторые военные потери, но я выхожу из GWA. Банковский баланс в хорошем состоянии.

Это был еще один эвфемизм. Она начала его употреблять, когда поняла, что его поразили причудливый механизм «Золотой Цыганки», ее корпоративная личность. Он видел некоторые ошеломляющие счета от корпорации «Сайдкик», но если Меган говорила, что они ей по карману, то он ей верил.

Она вертела в пальцах солонку, а ее яйца по-бенедиктински тем временем остывали. Потом иронично фыркнула и посмотрела на него.

– Самое забавное в том, что я просто доказала, что все теоретики ошибались. Я совершила такой прорыв, в возможность которого никто не верил. Я могу поставить на уши всю отрасль, но не могу получить работу.

Об этом он услышал впервые. Купер приподнял бровь, изобразив вежливый вопрос.

– Проклятье, Купер. Я все думала, как тебе это сказать. Проблема в том, что я не понимала, пока ты не сказал мне кое-что пару дней назад, что ты не знаешь о том, что мой транскордер встроен в протез.

– Я думал, что твоя съемочная команда...

– Теперь я знаю, что ты так думал. Клянусь, я этого не понимала. Нет, команда снимает только обычное видео. Оно монтируется в транс-запись, которую делает протез. Она у меня включена постоянно.

Купер некоторое время переваривал услышанное, потом нахмурился.

– Ты говорила, что у тебя записана любовь.

– Момент возникновения любви. Я записала все.

– Почему же ты мне не сказала?

Она вздохнула.

– Транс-записи нужно проявлять. Они отличаются от видео. Их только вчера доставили из лаборатории. Я смонтировала их вчера ночью, пока ты спал.

– Я хотел бы их посмотреть.

– Может, когда-нибудь, – уклонилась она. – Сейчас они слишком личные. Хочу сохранить их только для себя. Это ты можешь понять? Господь свидетель, я никогда не тряслась над своей личной жизнью, но это...

Она показала Куперу совсем беспомощной.

– Я так и предполагал. – Он ненадолго задумался. – Но если ты их продашь, то они вряд ли останутся личными.

– Я не хочу их продавать, Кью-Эм.

Он промолчал, но надеялся услышать нечто более решительное. И впервые ощутил тревогу.

* * *

Следующие две недели он не думал о деньгах или транс-записях. Навалилось слишком много дел. Он взял накопившиеся отпуска и отпуск по болезни, и они полетели на Землю. Она вполне могла быть и новой планетой.

И не только потому, что он побывал в местах, которых никогда не видел. Они побывали там в стиле, непривычном для Купера. На несколько ступеней выше того, что большинство считает первым классом. На этой планете не существовало проблем. Багаж заботился о себе сам. Купер ни разу не увидел деньги. Не было расписаний, под которые следовало подстраиваться. Автомобили, самолеты и сверхзвуковые челноки были всегда готовы доставить в любое место по их желанию. Когда Купер заметил, что все это может стоить слишком дорого, Меган объяснила, что она ни за что не платит. Все обеспечивают корпоративные поклонники. Купер подумал, что те ведут себя хуже, чем ошалевшие от любви подростки. Они по-щенячьи открыто выражали свои чувства и столь же легко прощали, когда Меган относилась к ним пренебрежительно, принимая их подарки.

Похищения она, похоже, тоже не боялась, хотя Купер почти не видел охраны. Когда он спросил, она сказала, что охрана, на которую постоянно натыкаешься, всего лишь любительское бряцание оружием. И посоветовала больше не ломать над этим голову, потому что обо всем уже позаботились.

* * *

– Ты ведь не выставишь эту запись на рынок?

Ну вот, он все-таки спросил напрямую.

– Ладно, давай я изложу это так. Когда я пришла к тебе в первый раз, то была близка к нервному срыву от одной только мысли заняться бизнесом сексуальных записей. А эта запись гораздо более личная и намного дороже для меня, чем старое доброе сношение.

– Ага. Мне уже лучше.

Она протянула руку через кровать и сжала его руку, нежно глядя на него.

– Ты действительно не хочешь, чтобы я ее продавала?

– Да, действительно не хочу. В первый же день, когда я тебя увидел, друг меня предупредил, что, если я окажусь в постели с тобой, то мою технику увидят девяносто миллионов жлобов.

Она рассмеялась.

– Что ж, Анна-Луиза ошиблась. Можешь выбросить эту вероятность из головы. Во-первых, там не было видеокамер, поэтому никто и никогда не увидит, как ты занимаешься со мной любовью. Во-вторых, они не используют мои ощущения во время секса, если я когда-либо займусь этим бизнесом. Они немного экзотичны для моей аудитории. Все это будет сводиться в монтажной. Там будут визуальные и эмоциональные записи от меня – показывающие, как я занимаюсь сексом обычным образом, – и дублерша для физических ощущений.

– Извини за вопрос, – сказал он, – но, в таком случае, не была ли твоя реакция в тот первый день немного преувеличенной?

Она рассмеялась.

– Много шума из ничего?

– Да. В смысле, это будет твое тело на экране...

– ...но я уже показала тебе, что меня это не волнует.

– И если ты занималась любовью обычным образом, то вряд ли была эмоционально вовлечена...

– Это будет записано как откровенная скука.

– ...поэтому я предполагаю, что тыставишь трек с эмоциями тоже из какого-то другого источника.

Купер нахмурился, уже неуверенный в том, что пытался сказать.

– Ты уже схватываешь суть. Я тебе говорила, что весь этот бизнес – сплошное надувательство. И я не могу конкретно объяснить, почему это меня так волнует. Могу лишь сказать, что не хочу отдавать эту часть себя, даже ее кусочек. Я записала свой первый секс, но никому это не показывала, пока запись не увидел ты. И как насчет тебя? Тебя волнует, что я могу продать запись того, как влюбилась в тебя? Тебя на ней вообще не будет.

– Ну, это было нечто общее у нас с тобой.

– Правильно. И я не хочу делиться этим с кем-либо.

– Я рад, что ты не планируешь это продавать.

– Дорогой, мне этот претит не меньше, чем тебе.

И лишь намного позднее Купер понял, что она никогда не исключала такую возможность.

* * *

Они вернулись в Пузырь, когда у Купера кончился отпуск. Меган никогда не предлагала ему уволиться с работы. Они заселились в другой номер. Меган сказала, что цена номера тут

ни при чем, но на этот раз он в этом усомнился. Он видел озабоченность в ее глазах, когда она читала очередное письмо с отказом от все более скромных предложений.

– Они хорошо знают эту игру, – с горечью сказала она как-то ночью. – Любая из этих компаний даст мне любую зарплату, которую я только назову, но я должна подписать контракт на их условиях. Начинаешь думать, что это заговор.

– А это так?

– Если честно, не знаю. Это может быть просто расчетливость. Я говорила о том, какие они тупые, и с художественной точки зрения они достойны такого описания. С точки же зрения морали любой из них согласится заплатить за то, чтобы его дочь подвергли групповому изнасилованию, если из-за этого его рейтинг поднимется на десятую долю процента. Но с финансовой точки зрения их винить нельзя. Они из тех, кто не дает производить лекарства от десятка болезней, потому что те будут недостаточно дороги при использовании. Я говорю о конгломератах родительских компаний, разумеется – о реальных правительствах. Если они когда-нибудь найдут способ получать прибыль от атомной войны, у нас эти войны станут происходить каждую вторую неделю. И они, очевидно, решили, что неподконтрольное им телевидение опасно.

– И что это означает для нас с тобой?

– Я попала в этот бизнес случайно. И не сойду с ума, если не стану в нем работать.

– А деньги?

– Справимся.

– У тебя, наверное, очень большие расходы.

– Это так. Нет смысла об этом лгать. Я многое могу сократить, но протез никогда не станет дешевым.

* * *

И, словно чтобы подчеркнуть сказанное Меган накануне, Золотая Цыганка выбрала следующее утро для демонстрации темперамента. Средний палец правой руки Меган застыл в вытянутом положении. Она даже пошутила на эту тему.

– Как говорится, «извращенность вселенной стремится к максимуму». Почему именно средний палец? Можешь ответить?

– Наверное, ремонтник прибудет еще до моего возвращения.

– Не в этот раз, – решила она. – Будет тяжело, но я перебыюсь. Подожду, пока мы вернемся на Землю, и заскочу на фабрику.

Она связалась с «Сайдкик», пока Купер одевался на работу. Он слышал ее, но не мог разобрать слова. Она все еще говорила по телефону, когда он вышел из ванной и направился к двери. Она нажала кнопку удержания звонка, перехватила его, развернула и крепко поцеловала.

– Я тебя очень люблю, – сказала она.

– И я тебя.

* * *

Когда Купер вернулся, ее в номере не было. Она оставила проигрывать запись. Когда Купер подошел, чтобы ее выключить, то обнаружил, что кнопка заблокирована. На экране юная Меган расхаживала по кабинету терапии в протезе первой модели. Запись была закольцована, повторяя одну и ту же сцену.

Он выждал почти час, потом отправился ее искать. Через десять минут он узнал, что в восемь утра она села в челнок на Землю.

День спустя он понял, что не сможет связаться с ней по телефону. В тот же день он узнал новость о том, что она подписала контракт с «Telecommunication», а когда выключил проигрыватель, то увидел, что на нем лежит кассета с транс-записью, прежде не замеченная.

Он достал из шкафа оставленный ею трансер, надел шлем, вставил кассету и включил воспроизведение. Полчаса спустя аппарат выключился, и он вернулся в реальность с блаженной улыбкой на лице.

А потом завопил.

* * *

Его выписали из госпиталя через три дня. Все еще притупленный после успокоительных, он пошел в банк и закрыл свой счет. Потом купил билет до Нового Дрездена.

Анну-Луизу он нашел в казармах академии полиции. Она удивилась, увидев его, но не так сильно, как он ожидал. Она привела его в лунный парк – участок с деревьями под стальной крышей и с коридорами, радиально уходящими во всех направлениях, – усадила и дала выговориться.

– ...и ты оказалась единственной, кто ее понял. Ты предупредила меня в первый же день. И я хочу узнать, как ты это сделала и можешь ли это объяснить.

Похоже, вопросы ей не понравились, но Купер видел, что ее реакция не направлена против него.

– Ты сказал, что запись действительно делает то, что утверждала Меган? Что она записала любовь?

– Не думаю, что кто-то может в этом усомниться.

Она вздрогнула.

– Это меня пугает больше всего, что я слышала за долгое время. – Он подождал, не совсем понимая, что она подразумевает. Но заговорила она не о своих опасениях. – Тогда она доказывает, к твоему удовлетворению, что она действительно тебя любила.

– Несомненно.

Она всмотрелась в его лицо.

– Поверю тебе на слово. Ты выглядишь как человек, способный такое признать. – Она встала и принялась расхаживать туда-сюда, он последовал ее примеру. – Тогда я была к ней несправедлива. Поначалу я думала, что ты был для нее всего лишь игрушкой. После того, что ты сказал, я изменила свое мнение, даже раньше, чем покинула станцию.

– Но ты все еще была уверена, что она причинит мне боль. Почему?

– Купер, ты много изучал историю? Можешь не отвечать. Все, что ты знаешь, ты получил в школе, которой управляют корпорации. Ты слышал о великом идеологическом противостоянии прошлого столетия?

– Черт, да какое это имеет отношение ко мне?

– Ты хочешь узнать мое мнение или нет? Ты проделал долгий путь, чтобы его услышать.

Убедившись, что он слушает, она продолжила:

– Я максимально упрощу, для ясности. У меня нет времени на урок истории, и я совершенно уверена, что ты не в настроении его слушать. Но был капитализм, и был коммунизм. Обе системы управлялись, в конечном итоге, деньгами. Капиталисты говорили, что деньги – это на самом деле очень хорошая вещь. Коммунисты упорно пытались делать вид, что денег реально не существует. И те, и другие ошибались, и деньги в конечном итоге победили. В итоге получилась нынешняя ситуация. Институты власти, полностью посвященные деньгам, поглотили все политические философии.

– Слушай, я знаю, что ты чокнутый лунатик и думаешь, что Земля...

– Заткнись! – Он был застигнут врасплох, когда она его развернула лицом к себе. На миг ему показалось, что она его ударит. – Проклятье, это могло быть забавным в Пузыре, но сейчас ты на моей территории, и это *ты* чокнутый. Я не обязана выслушивать твою бредятину!

– Извини.

– Забудь! – крикнула она и пригладила свои короткие волосы. – И урок истории тоже забудь. Меган Гэллоуэй из всех сил пытается выжить в мире, который ничто не вознаграждает так хорошо, как полное своекорыстие. Так же веду себя я, и ты тоже. Сегодня или вчера, на Земле или на Луне, совершенно неважно, где. Вероятно, так было всегда. И так будет завтра. Мне очень жаль, Купер, я оказалась права насчет нее, но у нее не было выбора, и я смогла разглядеть это с самого начала.

– Я и хотел, чтобы ты объяснила именно это.

– Если бы она была кем угодно, но не Золотой Цыганкой, то могла бы пойти за тобой на край света, вытерпела бы любую нищету. Ей могло быть совершенно все равно, что ты никогда не разбогатеешь. Я не утверждаю, что у тебя не было бы проблем, но ты получил бы на их решение такой же шанс, как и все. Но есть только одна Золотая Цыганка, и в этом вся причина.

– Сейчас ты говоришь о машине. О протезе.

– Да. Она звонила мне вчера. И плакала. Я не знала, что ей сказать, поэтому просто слушала. Мне было ее жаль, и она мне даже не нравится. Наверное, она знала, что ты станешь меня искать. И что ты услышал кое-что такое, о чем ей было стыдно тебе сказать. Она мне действительно не нравится из-за этого, но что я могу поделать?

Есть только одна Золотая Цыганка. И это не собственность Меган Гэллоуэй. Какой бы богатой она ни была, ей это не по карману. Она арендует этот протез, и платит за него в месяц больше, чем ты или я увидим за всю жизнь, и платит по контракту за обслуживание, на что уходит почти столько же денег. Она более месяца не появлялась в телевизоре. Детка, есть и другие люди, которые захотели бы воспользоваться такой машиной. Их, наверное, миллион или больше. Если ты руководишь конгломератом, владеющим такой машиной, то кому ты сдашь ее в аренду? Тому, кто неизвестен, или тому, кто будет носить этот протез в десяти миллиардах домов каждый вечер, одновременно рекламируя твою компанию?

– Ей это сказали по телефону? Что они собираются забрать у нее машину?

– Она выразилась так, что они угрожали забрать ее тело.

– Но этого недостаточно! – Он опять плакал, хотя и думал, что уже прошел эту стадию. – Я бы такое понял. И сказал ей, что мне все равно, будет ли она в протезе, на инвалидной коляске, в кровати или где угодно.

– Твое мнение тут вряд ли что значит, – заметила Анна-Луиза.

– Нет, я говорил о другом! Мне все равно, если ей придется подписать контракт, который ей не нравится, чтобы делать то, что она ненавидит. Пусть так, если это так много для нее значит. Если доступ к Золотой Цыганке настолько важен. Это недостаточная причина, чтобы бросить меня.

– Ну, полагаю, что уж настолько она отдала тебе должное. Она сомневалась, что ты простишь ее за другой поступок, который ей пришлось сделать – продать запись того, как она полюбила тебя. Но, может быть, она пыталась объяснить и то, почему ей пришлось так поступить... но только не это было ее настоящей проблемой. А проблема была в том, что Меган не смогла бы с этим жить, предав себя, если бы ты находился рядом и напоминал ей о значимости того, что она продала.

Поразмыслив некоторое время, Купер оценил сказанное со всех сторон. Он думал, что будет слишком больно выразить это словами, но все же попытался:

– Она могла оставить или меня, или свое тело. Но не то и другое одновременно.

– Боюсь, уравнение получилось именно таким. И в нем есть еще довольно сложный вопрос самоуважения. Вряд ли она решила, что сможет сохранить много самоуважения при любом варианте.

– И выбрала машину.

– Ты тоже мог бы.

– Но она *любила* меня. Ведь считается, что сильнее любви нет ничего.

– Достать мозги из телевизора, Купер.

– Кажется, я ее ненавижу.

– Это станет большой ошибкой.

Но Купер уже не слушал.

* * *

Он пытался убить ее. Один раз, вскоре после того, как запись появилась в продаже – скорее решив, что так будет правильно, чем действительно желая это сделать. Ему не удалось приблизиться к ней даже на милю. Ее охрана вычислила его в два счета.

Запись стала хитом, самым крупным событием в истории отрасли. Через год у всех остальных компаний появились имитации, по большей части незаконно скопированные с оригинала. Стычки из-за авторских прав вспыхнули в Голливуде и Токио.

Купер перебивался случайными заработками и много плавал. Он обнаружил, что теперь предпочитает плоскую воду. Он скитался, не имея постоянного адреса, но чеки находили его, где бы он ни находился. К первому прилагался отчет о выплаченных авторских гонорарах, согласно которому он получал пятьдесят процентов прибыли от продаж этой записи. Он порвал его и отправил обратно по почте. Второй чек был на первоначальную сумму, плюс проценты, плюс новые начисления. Он замазал чек своей кровью и заплатил, чтобы его доставили ей в руки.

* * *

Оставленная ею кассета продолжала терзать ему душу. Он сохранил ее и пересматривал, когда чувствовал, что у него хватит на это сил. Вновь и вновь девушка в скрипящем протезе ходила по комнате с застывшей на лице целеустремленностью. Он вспомнил, каким ощущением триумфа наполняла ее ходьба, даже такая неуклюжая.

Постепенно он стал чаще всего смотреть последние несколько метров записи. Камера перемещалась от Меган и останавливалась на лице одной из медсестер. У нее было странное выражение, столь же тонкое и неуловимое, как на лице Моны Лизы. Он знал: Меган хотела, чтобы он увидел именно это – ее последнее послание, ее финальную мольбу о понимании. Он заставил себя включить и транс-дорожку для медсестры, чтобы видеть ее глазами и ощущать ее кожей. Он не мог позволить себе упустить малейший нюанс, когда наблюдал за триумфальной ходьбой Меган, ради чего девушка работала так долго и упорно. И в конечном итоге убедился, что чувства той женщины были более мерзкими, чем просто жалость. Это был образ, который Меган выбрала, чтобы оставить ему: мир смотрит на Меган Гэллоуэй. Это был образ, к которому она никогда не вернется, и неважно, сколько придется за это заплатить.

Через год он разрешил себе посмотреть визуальную часть записи об их любви. Вместо него там был снят дублер, воспроизводящий сцены в Пузыре и на кровати-пароходе. Купер был вынужден признать: она никогда ему не лгала. Дублер даже не напоминал Купера. Никто не будет смотреть, как он занимается сексом.

Еще через какое-то время он пересмотрел запись с полным погружением в ощущения. Результат оказался и успокаивающим, и отрезвляющим. Он задумался над тем, что они могут

продать, используя этот новый товар, и эта мысль испугала его не меньше, чем Анну-Луизу. Но он, вероятно, был единственным отвергнутым любовником в истории, который совершенно точно знал, что его действительно любили.

И это, конечно, чего-то стоило.

* * *

Его ненависть умерла быстро. Боль продержалась намного дольше, но настал день, когда он смог простить Меган.

А еще намного позднее понял, что она не сделала ничего такого, что нужно было бы в его прощении.

Танго Чарли и фокстрот Ромео

Полицейский дрон находился в десяти километрах от колеса станции Танго Чарли, когда ему встретился необычный труп. На таком расстоянии колесо все еще представляло впечатляющее зрелище – ослепительно белое на фоне темного неба, вращающееся под вечными солнечными лучами. Дрон часто поражала его красота, бесчисленные варианты отражения света в тысячах окон. И он сочинял мыслепозму на эту тему, когда его внимание привлек труп.

Довольно ироничная особенность дрона, не правда ли? Менее метра в диаметре, он был оснащен чувствительным радаром, очень хорошими глазами-камерами для видимого света и слабым сознанием. Его разумность обеспечивалась комочком человеческой мозговой ткани размером с каштан, выращенным в лаборатории. Это был самый дешевый и простой способ наделить машину определенными человеческими качествами, часто полезными в следящих устройствах. У людей использованная часть мозга служила для оценки прекрасного. Пока дрон наблюдал, она видела бесконечные прекрасные сны. Об этом знал лишь орган управления дроном – им был компьютер, – который не потрудился кому-либо об этом сообщить. Впрочем, сам компьютер считал эту особенность довольно приятной.

Дрон был обязан соблюдать множество инструкций и делал это с поистине религиозным рвением. Он никогда не приближался к колесу ближе, чем на пять километров. Все объекты крупнее сантиметра, покидающие колесо, следовало догнать, захватить и изучить. О некоторых категориях объектов полагалось доложить вышестоящему начальству. Все прочие следовало испарить с помощью имеющейся у дрона небольшой батареи лазеров. За тридцать лет наблюдения докладывать понадобилось лишь примерно о десятке объектов. Все они оказались крупными структурными компонентами колеса, оторвавшимися при его вращении. Каждый был уничтожен старшим братом дрона – станцией, расположенной в пятистах километрах от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.